

Б И Б Л И О Т Е К А

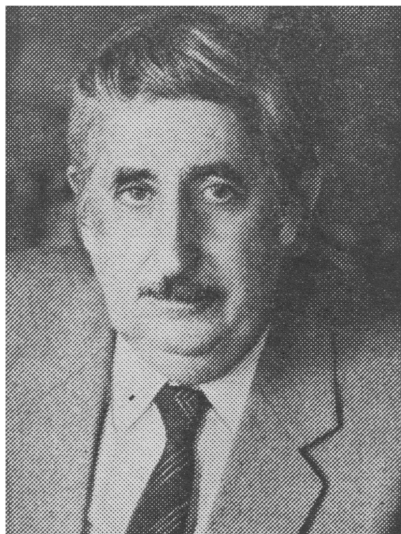
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 20

1987

Карэн ХАЧАТУРОВ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

Иная Америка

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 20

Карэн ХАЧАТУРОВ

ИНАЯ АМЕРИКА

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1987

Карэн ХАЧАТУРОВ

Публицист-международник Карэн Хачатуров родился в 1927 году в Тбилиси. После окончания Московского государственного института международных отношений занимается журналистской деятельностью. В течение ряда лет работал в странах Латинской Америки. С 1971 года — заместитель председателя Правления Агентства печати Новости.

Перу К. Хачатурова принадлежат публицистические книги и научные монографии: «Уругвай сегодня» (1962), «Винновники латиноамериканской драмы» (1966), «Средства информации и общественное мнение в Советском Союзе» (1968), «Идеологическая диверсия под видом информации» (1970), «Противостояние двух Америк» (1976), «Идеологическая экспансия США в Латинской Америке» (1978), «Латиноамериканская трагедия в трех неоконченных актах при участии ЦРУ» (1980), «Латинская Америка: идеология и внешняя политика» (1983), «Боль и гнев Гренады» (1985) и другие.

К. Хачатуров — доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник культуры РСФСР, лауреат премии им. Воровского Союза журналистов СССР, является президентом Общества культурных связей «СССР—Уругвай», заместителем председателя Советского комитета солидарности с народами Латинской Америки.

ПУТЕШЕСТВИЕ ДЛИНОЮ В 20 ЛЕТ

Загадочный испаноговорящий мир впервые прочно вошел в сердце и сознание каждого советского человека, когда Мадрид и Герника из просто манящих географических названий превратились в символ первого вооруженного отпора фашистскому агрессору. Через два с лишним десятилетия Латинскую Америку нам открыли кубинские повстанцы, вскоре изумившие ко многому привыкшее человечество одним фактом победоносного строительства социализма рядом с цитаделью мирового капитализма. А еще через два десятилетия победа революции в Никарагуа приковала уже неутраченный интерес к Центральной Америке, интерес, помноженный на давние симпатии к Мексике, открытой пером Маяковского и кинокамерой Эйзенштейна.

Согласимся, однако, что куда меньше известен основной массив — Южная Америка. Между тем ее государства по возрасту почти ровесники США. А в более далекие времена, когда по Северной Америке бродили только стада бизонов и в прериях гулял только ветер, на просторах Южной Америки процветали великие цивилизации, обязанные искусным земледельцам и ремесленникам, творцам сказочных городов и храмов, отважным охотникам и воинам. Потом континент заковали в кандалы трехсотлетнего колониального рабства. Едва оно было свергнуто мужеством осознавших свою национальную самобытность народов, и феодальных поработителей сменили американские неокolonизаторы. Вот почему народы с полным основанием говорят о своей битве за второе освобождение.

Во всем мире интерес к Южной Америке пробудила ослепительная, как молния, победа демократии в Чили. Ее злодейское умерщвление, приход к власти во многих государствах континента свирепых военно-полицейских режимов, развязавших по единой вашингтонской схеме вакханалию террора, невольно унифицировали для стороннего глаза, причесали под один гребень столь непохожие один на другой народы. Однако же аргентинец больше отличается от своего соседа-бразильца, чем, допустим, швед от грека.

Шли годы, и в государствах Южной Америки происходили разительные перемены, проявившиеся прежде всего в углублении освободи-

тельной борьбы, расширении ее социальной базы. Только один пример. В самом «католическом континенте» церковь веками служила духовной опорой иноземным и «своим» поработителям. В последние годы католический монолит расколола «теология освобождения» и ее левый фланг — «мятежная церковь». И это не просто ересь, а логика антиимпериалистического процесса.

Главный же результат освободительной борьбы в том, что героические жертвы народного подпольного сопротивления и мощные манифестации взломали, казалось, непробиваемый ледяной панцирь военно-полицейских диктатур. За многие годы они могут пока лютовать лишь в двух южноамериканских странах — Парагвае да в Чили, где сидящий, как на горячих углях, палач Пиночет туманно сулит провести выборы в 1989 году, по злой иронии в 200-летнюю годовщину штурма Бастилии. Чилийские патриоты уже осаждают собственный каземат, история вынесла приговор агонизирующей фашистской хунте.

Диктаторы уходят, и новь Южной Америки расцветается яркой палитрой неповторимых красок ее стран и народов. При всей уникальности каждой нации они все вместе — единая семья, спаянная одной судьбой, общностью прошлого и бедами дня сегодняшнего. Если истинно толстовское изречение, что «...каждая несчастливая семья несчастлива по-своему», то несчастье южноамериканской семьи коренится в ее эксплуатации империализмом США и «отечественной» буржуазно-помещичьей олигархией.

Но история движется семимильными шагами и в Южной Америке тоже. И потому после последнего посещения нескольких южноамериканских стран в канун 1986 года автор задумался над происшедшими там за два минувших десятилетия переменами. Быть может, его давние и недавние наблюдения в их сопоставлении и взаимопереплетении представляют интерес как доказательство того факта, что без неукротимого духа народов Южной Америки нельзя представить поступь современной истории.

КОГДА УХОДЯТ ДИКТАТОРЫ

«Один на свете райский край, и он зовется Уругвай» — когда-то хвастались жители самого маленького государства Южной Америки.

Действительно, со времен изгнания испано-португальских колонизаторов и завоевания южноамериканскими странами политической независимости в Уругвае не было такого всевластия полковничьих кланов, как в соседних Бразилии и Аргентине, такого террора, как в Венесуэле и Колумбии, такой диктатуры церкви, как в Перу и Эквадоре, такой беспросветной нищеты, как в Боливии и Парагвае. Лишенный полезных ископаемых Уругвай меньше всех других государств континента вызывал вождеделение закордонных хищников.

Милитаризм не был в почете, и в стране не так уж часто звучали выстрелы. На моей памяти в Уругвае, где я прожил несколько лет, еще сохранились дуэли. Знакомого журналиста его коллега из конкурирующей газеты сравнил с домашней птицей, близкой к тому самому знаменитому гусаку, из-за которого поссорились гоголевские Иван Иванович и Иван Никифорович. Меня пригласили на роль секунданта, и я, полагая, что соучастие в дуэлях противопоказано нормами поведения за рубежом граждан любой страны, увильнул от интригующего предложения.

Уругвайская буржуазия хитроумнейшей избирательной системой беспроигрышно гарантировала монополию власти двум политическим партиям — «колорадо» («красные») и «бланко» («белые»). На фоне сотрясавших континент карманных революций и дворцовых заговоров — «пронунсиамientos» мирный Уругвай увенчал себя негласным титулом «латиноамериканской Швейцарии». Еще в начале века Уругвай стал первым в Южной Америке государством, где были приняты законы о восьмичасовом рабочем дне, всеобщем избирательном праве, обязательном образовании и бесплатном обучении в средних школах, об отделении церкви от государства. Немудрено, что у многих уругвайцев сформировался «синдром исключительности», слепая вера в незыблемость абсолютной законности. Самодовольный тон задавала многослойная мелкая буржуазия, именуемая нынче социологами средним классом. Излюбленным статистическим подсчетом было количество коров и овец на душу населения. Получалась внушительная цифра.

Столица Монтевидео, уподобившись огромной голове на хилом теле, вобрала чуть ли не половину жителей страны. За пределами столицы — степная ширь пампы, которую российская словесность издавна нарекла загадочно-манящим словом «пампасы». По обе стороны всех шоссе дорог пампа перегорожена колючей проволокой. Там на сочных пастбищах круглый год под присмотром одиноких пастухов-гаучо пасется скот. Принадлежит он только креольским помещикам-латифундистам.

Страна жила за счет экспорта мяса, шерсти и кож, уругвайская глупинка при минимальных затратах обеспечивала населению относительное материальное благополучие. По латиноамериканским меркам, разумеется. Ибо на одном социальном полюсе — безземельные хлеборобы, безработные текстильщики и обитатели пригородных трущобных поселков, именуемые «кантегриль». Но это уже другой социальный полюс, потому что так называется самый фешенебельный квартал самого фешенебельного курорта Пунта-дель-Эсте, где кончается песчаная полоса знаменитых уругвайских пляжей и пресная Ла-Плата переходит в Атлантический океан. В скандально известном своей рулеткой отеле «Сан-Рафаэль» запомнилась наиболее грязная игра, которую когда-либо затевали под его лепными сводами: в обмен на долларовые посулы провозглашенной президентом Кеннеди программы-удавки «Союз ради

прогресса» вознамерились учинить дипломатическую расправу над молодой социалистической Кубой. Клеветникам противостояла разящая аргументация облаченного в оливкового цвета походную форму без знаков отличия невеселого коренастого человека с ослепительной улыбкой и насмешливым взглядом. Это был глава кубинской делегации Эрнесто Че Гевара.

...Шли годы, и в безвозвратное прошлое уходило сытое существование. Капризы мирового капиталистического рынка, спекуляции буржуазно-помещичьей и финансовой олигархии обнажили гнилой экономический фундамент. Одна за другой сворачивались отрасли обрабатывающей промышленности. Страна ввозила почти все — от гвоздей до картофеля, и валютные поступления таяли. Вот тогда-то Международный валютный фонд, в котором верховодят американские банкиры, объявил Уругвай банкротом. Ему продиктовали ультиматум, предложили под флагом «самоограничения» сесть на голодную диету.

Популярный местный бержуазный еженедельник «Марча» в сатирической форме так изложил клятвенные заверения «отцов нации»: «Признать Международный валютный фонд высшим органом власти республики. Просить ее рассмотреть состав наших футбольных команд и предложить им обходиться без левых полузащитников как нашу дань свободному миру. Убедить танками профсоюзы, что они не должны прибегать к забастовкам, если только речь не идет о голодовке, которая считается одной из мер «самоограничения». Передать на рассмотрение Международного валютного фонда репертуар театра национальной комедии. Постановить, чтобы в ресторанных меню вместо «русский салат» писали «американский соус». Низвергнуть обелиск Свободы и установить его во дворе городской тюрьмы». Шутки шутками, но тогда «Нью-Йорк таймс» впервые сделал вынужденное признание о том, что Международный валютный фонд «вызывает ненависть» в Латинской Америке.

Как и в Чили, рабочий класс Уругвая выковал самые боевые и единые в Латинской Америке профсоюзы. По размаху стачечной борьбы страна заняла одно из ведущих мест в капиталистическом мире. Из Уругвая изгнали владельцев мясокладобоен, принадлежавших чикагским королям бифштексов «Свифт» и «Армур». Тогда и прозвучала со страниц «Нью-Йорк таймс» угроза: «В Уругвае слишком много демократии».

Во всех южноамериканских странах не то что «излишнюю», а самую робкую демократию неизменно обрубала солдатская сабля. «Помилуйте, разве у нас возможно подобное? В нашей свободной стране жизнь любого индивидуума священна и неприкосновенна, даже если сей индивидуум — отпетый душегуб. Поэтому многие протестовали против приговора Нюрнбергского трибунала по делу главных нацистских преступников. Люди как-никак», — примерно так рассуждали некоторые уругвайские собеседники. Никудышными они оказались прококами.

В Уругвае в отличие от остальных южноамериканских стран армия не была в фаворе. Однако генералитет показной аполитичностью армии, ее слабой оснащенностью маскировал застарелый антикоммунизм, антидемократизм и тайные связи с Пентагоном. Как впоследствии верно заметила парижская газета «Монд», уругвайская военщина «всегда предпочитала кулисы огням рампы». Из-за кулис, из казарм генералы хмуро следили за ростом демократических сил.

Избирательная коалиция Широкий фронт, костяк которой — коммунисты, по своему реальному весу становится вровень с двумя «историческими» буржуазными партиями. В Уругвае впервые возникает альтернатива власти олигархии. Вот тогда-то самое демократическое государство Южной Америки наглядно подтвердило истину: когда страна движется влево, империализм и реакция насильственно толкают ее вправо. Военщина и ЦРУ организовали вползание Уругвая в полосу военно-полицейской диктатуры. В июне 1973 года в результате «тихого» государственного переворота был разогнан парламент, распущены политические партии и профсоюзы, надет цензурный намордник на органы массовой информации, разгромлена система образования, ликвидированы все социально-экономические завоевания, добытые трудящимися в классовых битвах. Страну окутала двенадцатилетняя ночь военно-полицейского режима.

Мир был явно недостаточно информирован о преступлениях уругвайской военщины. Быть может, причина состоит и в том, что в соответствии с разыгранным в Вашингтоне сценарием одновременного удара по демократическим силам Южного конуса, как называют страны юга континента, вскоре был спровоцирован фашистский мятеж в Чили, и праведный гнев всего человечества, его скорбь по Сальвадору Альенде и Пабло Неруде переключили внимание с берегов Ла-Платы к Андам. Одно большое человеческое сердце оказалось не в состоянии поровну разделить и свою ярость, и свою боль.

А «райский край и он зовется Уругвай» стал подлинным адом. Как во времена нацистского рейха, все оставшиеся на воле граждане были выстроены по ранжиру. «Категория А» — не опасен, «категория Б» — убеждения сомнительны, «категория В» — поведение предосудительно, и еще вчера законопослушному обывателю пора сушить сухари. Цвет интеллигенции покинул страну, эмигрировал каждый пятый уругваец. Рассказывают, что в столичном аэропорту Карраско некий «черный юморист» перед отлетом за рубеж оставил записку: «Последний из покидающих родину, не забудь погасить свет». Безземельным крестьянам, безработным городским пролетариям и распущенным на бессрочные каникулы студентам было нечем заплатить не то что за авиабилет, но и за проезд на автобусе. За короткий срок безработица удвоилась и ровно на столько же сократилась реальная заработная плата.

Буднями стал террор. По количеству политзаключенных на душу населения Уругвай занял первое место в мире! «Самой большой каме-

рой пыток в Латинской Америке» окрестила Уругвай лондонская «Таймс». Пользующийся наиболее дурной репутацией тюремный каземат будто в насмешку назвали «Либертад» — «Свобода». За тюремный постой с заключенных взымали обязательную плату.

Жертвами варварских репрессий явились коммунисты. Второго секретаря ЦК Коммунистической партии Хайме Переса душили капюшоном, подвешивали за кисти рук, принуждали быть свидетелем пыток его детей, жены, родителей. И так десять лет. Такой же срок выпал другому члену руководства Компартии Хосе Луису Массере. Его, всемирно известного ученого, почетного доктора наук многих университетов, члена Математического общества США, подвергали избиениям и, сломав бедро, лишили медицинской помощи. Ни один коммунист не сдался. Нельзя без гордости за род людской читать изданную недавно книжку «Письма из камеры». Ее автор — узник камеры № 1 тюрьмы «Либертад» вожак Союза коммунистической молодежи Леон Лев. Его письма к родным пронизаны верой в то, что «когда корни дерева здоровы, оно обязательно плодоносит».

А тем временем гнилое древо диктатуры подтачивало нараставшее сопротивление: от «концертов на кастрюлях» домохозяек до политических манифестаций и дней национального протеста. Военщина организовала фарс референдума и потребовала от избирателей «узаконить» диктаторский режим. Самонадеянным генералам казалось, что опрос под дулами автоматов гарантирует благоприятный для них результат. Уругвайцы провалили референдум и выдвинули лозунг: «Военных — в казармы, власть — народу!»

Террор по инерции продолжался, но люди уже перестали испытывать страх. Они смеялись, и их смех стал началом конца полицейского государства. Генералы-казнокрады довели экономический организм страны до состояния клинической смерти. Монетаристские рецепты американских финансистов по «спасению» уругвайской экономики оказались пшиком. По выражению известного журналиста Рамона Диаса, «с цирковой трупной нельзя играть пьесу Шекспира». Подавившись властью, как костью в горле, военщина оказалась вынужденной искать «пристойную» форму для отступления. Добились легальности буржуазные политические партии, а позднее и Широкий фронт. Состоявшиеся при небывалой активности избирателей выборы лишь конституционно оформили явное свержение военно-полицейской диктатуры и приход к власти гражданского правительства одной из группировок «колорадо», отражающей интересы крупной буржуазии.

Каковы же внешние перемены в Уругвае за два истекших десятилетия? По-прежнему привлекателен, особенно своими набережными, Монтевидео — наименее латиноамериканский и наиболее европейский внешним обликом город, один из самых молодых на континенте. По непривычно неухоженным улицам («вы бы видели, какая грязь была при военщине», — говорили старожилы) ветер гнал обрывки сорванных

со стен домов плакатов и еще актуальных и уже отслуживших свою краткую жизнь: «Увеличить субсидии Университету, сократить военный бюджет!», «Поддерживаем национальную конференцию Коммунистической партии!», «За всеобщую амнистию!», «Долой диктатуру!».

На центральной площади Независимости в окружении королевских пальм высится конная статуя «Основателя нации» генерала Артигаса. Он, как и вождь аргентинских инсургентов — борцов против испанского колониального ига, Сан-Мартин, скончался забытый на чужбине. Такова судьба не только в далеком прошлом многих латиноамериканских патриотов. За годы диктатуры под памятником соорудили мраморный мавзолей-бункер. Но имя истинного демократа Артигаса принадлежит не душителям свободы. Не зря девизом коммунистов являются его слова: «У меня нет худших врагов, чем те, кто противится народному счастью».

От площади Независимости тянется узкая авенида 18 июля — торговая артерия города. Как и прежде, словно стесняясь своего убожества, притулилась торгующая интимными предметами дамского туалета лавчонка «Си-си». За пыльным оконцем плакатик стыдливо предлагает: «Корсеты из китового уса. Лучшие в мире». Наверно, раздобывшая сеньора верит в магию китового уса, тем более что вблизи от этих мест гарпунят кашалотов. Это же надо! Мир сотрясали эпохальные события, рушились деспотии, нарождались новые государства, а легкомысленная «Си-си» продолжала торговать корсетами.

Авенида 18 июля — зеркало покупательной способности населения. Новая примета наступавшего рождества — смуглый Дед Мороз в алом кафтане и с котомкой, рекламировавший товары универсама. В Уругвае, как в самой нерелигиозной латиноамериканской стране, даже рождество официально называется неделей туризма. Но на песчаных пляжах начинавшегося в Южном полушарии лета было мало туристов, а в нарядных магазинах — мало покупателей. На авениде 18 июля больно укололо зрелище детского нищенства. Раньше в Монтевидео, как и в Буэнос-Айресе, в отличие от столиц остальных латиноамериканских стран обнаженная бедность с протянутой за милостыней рукой не мозолила глаза. Теперь скрытая форма нищенства — уличные коробейники с нехитрыми товарами, торгующие подделками студенты. Вот две пожилые, интеллигентного вида женщины, у каждой — открытая коробка с тюбиками зубной пасты. Их наигранно оживленная беседа словно вопрошает: «Боже, кто может заподозрить нас, сеньор из добропорядочных семей, в просьбе о милостыне». Сиротское детство и обездоленная старость — одно из самых тяжких преступлений диктатуры.

Но зато какой обольстительный образ действительности рисует многоканальное телевидение, которое два десятилетия назад делало лишь первые робкие шаги. Реклама драгоценностей и умопомрачительных туалетов, автомашин новейших марок и белокрылых яхт призвана увести страждущую аудиторию в мир грез, отвлечь ее от суровых до бес-

пощадности будней, от активного участия в еще хрупком процессе демократизации.

По авениде 18 июля медленно двигался караван, состоявший из маломощных тракторов и другой сельскохозяйственной техники с установленными на них транспарантами, которые гласили: «Мы проданы банкам!», «Долой Международный валютный фонд!». Так средние и мелкие землевладельцы протестовали против всевластия иностранного финансового капитала.

Полицейский режим свергнут, что дальше?

— Консолидация всех антидиктаторских сил — это сегодня главная задача, — подчеркнул в беседе Генеральный секретарь ЦК Компартии Родней Арисменди. — Малограмотная военщина лгала, что уругвайцам на все времена была привита антикоммунистическая вакцина, что «марксизм вырван с корнем». Но люди даже в тюрьмах вступали в Компартию, она стала легальной лишь после выборов, и в считанные месяцы ее численность возросла в три раза и комсомольцев — в два раза. Две трети членов партии — рабочие, почти половина коммунистов — женщины. В партию пришло много молодежи — смелой без оглядки, беззаветно преданной идеям научного социализма, но часто лишенной необходимых знаний. Чтобы ликвидировать этот пробел, была создана сеть партийных школ различных ступеней. Но прежде всего надо защитить единство Широкого фронта, который под флагом антикоммунизма подвергается наскокам реакции и ультралевых элементов.

Худошавый седой обаятельный человек — это кумир всех уругвайских демократов, президент Широкого фронта генерал Либер Сереньи. Он около десяти лет провел в тюремной камере, с честью отстаивал убеждения истинного демократа, личным примером реабилитировал опозоренную солдатскую профессию.

— Многим кажется невероятным тот факт, что на недавних выборах мы получили даже больше голосов, чем перед захватом власти военной хунтой, — говорил Либер Сереньи. — Ведь Широкий фронт легализовали буквально накануне выборов, когда не оставалось времени для проведения кампании. Мы заняли третье место и, наверняка, одержали бы победу в Монтевидео, если бы сюда не доставили солдат, голосовавших в приказном порядке за кандидатов буржуазной партии. Правая печать вынуждена признать, что случись выборы сегодня, и Широкий фронт победит с внушительным перевесом голосов. Этим мы обязаны четкой программе защиты прав трудового народа, единству слова и дела. Широкий фронт — не просто избирательный блок, а уникальная коалиция сохраняющих независимость левых политических партий. И мы сильны, пока едины в главном.

На разных политических языках говорят левые и буржуазные партии в определении путей развития страны. Но кроме неисправимых реакционеров, они едины в вопросах внешней политики, включая развитие отношений с миром социализма. Два десятилетия назад, когда я по-

кидал Уругвай, его близорукие правители в угоду продиктованным Вашингтоном «коллективным санкциям» готовились к разрыву дипломатических отношений с Кубой. Ныне с островом Свободы Уругвай восстановил отношения, и в этом факте отразились разительные перемены в мире.

На континенте многие годы советский государственный флаг гордо реял только в Буэнос-Айресе и Монтевидео. Уругвай стал первым южноамериканским государством, установившим дипломатические отношения с молодой Страной Советов, и по тем временам пещерного антисоветизма уругвайцы проявили и политическую волю, и дальновидность. Шли годы, и полнокровные связи наших стран стали добрым примером политики мирного сосуществования. Военная хунта пустила на ветер наследие прошлого. Свихнувшиеся на антикоммунизме генералы нагло утверждали, что «Россия фактически развязала третью мировую войну», требовали покарать социалистические страны и национально-освободительные движения. Редкостный образец коротких рук и длинного языка!

Нынче времена меняются к лучшему, и в этом убедила встреча с президентом Уругвая Хулио Мариа Сангинетти. В латиноамериканских странах президентские дворцы, построенные в колониальном стиле или по аналогии с вашингтонским Капитолием, обычно располагаются на центральной площади рядом с кафедральным собором. Так было до последнего времени и в Монтевидео. Теперь резиденцией главы государства стало построенное на выселках нелепое здание в стиле раннего конструктивизма, в форме громоздящихся друг на друга бетонных кубов. Дворец имеет собственное название — «Свобода». Оказывается, эту «свободу» соорудило для себя министерство обороны, но, когда еще сохла олифа, военщину согноли с политической сцены. Оставлять ей бетонную крепость сочли опасным.

Средних лет, грузный, с кустистыми бровями президент энергичными жестами подкреплял теплые воспоминания о своей первой поездке в Советский Союз, которую он совершил молодым журналистом по приглашению Агентства печати Новости. Он высоко оценил традиции давних отношений с Советским Союзом, назвал их примером политики мирного сосуществования государств с различными социальными системами.

Куда более критичен был президент в оценке внутреннего положения, особенно экономического. По его мнению, главная причина неурядиц — падение на мировом рынке цен на товары уругвайского экспорта и громадный внешний долг. Каждый уругваец, включая всех — и младенца, и старика, должен международным кредиторам две тысячи долларов. Поэтому, заметил он, если даже сегодня мы расквитаемся с долгами, завтра они все равно начнут расти. Как и большинство других моих собеседников, президент отрицал возможность повторного путча,

но невольно вспомнилось, что куда более рьяно отвергали когда-то вероятность прихода к власти военной диктатуры.

Генеральская клика не собирается навсегда покидать проигранное поле боя и время от времени демонстративно бряцает оружием. Фактов на этот счет хватает. На казарменном плацу надрываются: «Раз, два, три, четыре, пять — мы придем опять!» Раскрыт заговор кучки военных, нити которого тянутся за кордон. В Монтевидео свили осиные гнезда латиноамериканские штаб-квартиры различных международных правозэкстремистских организаций, в том числе скандально известной секты Муна и замешанной в связях с неофашистскими путчистами масонской ложи «П-2». Политические проходимцы и религиозные кликуши пытаются околпачить, отравить ядом антикоммунизма еще недавно самую просвещенную страну Латинской Америки.

Страсти разжигает реакционная пресса. Например, газета «Паис» провокационно заявляет, что усиление стачечной борьбы может вынудить военных вновь взять власть. Эта же газета в редакционной статье «Престижж оружия» десятилетие варварского террора именуется не иначе, как «случайным и достойным сожаления вынужденным поведением военных в определенных обстоятельствах». Все эти на первый взгляд разрозненные действия призваны дестабилизировать ситуацию в стране, если не сорвать, то по меньшей мере затруднить процесс ее демократизации.

Верно, для забрызганной грязью от затылка до пят военщины сложились невыгодные внутренние, да и внешние факторы. Карлик Уругвай, как между молотом и наковальней, зажат континентальными гигантами Бразилией и Аргентиной, которые тоже недавно вступили на путь демократических преобразований, хотя не однородных по своему реальному содержанию. Неодинаковые силы сохранили в трех странах и представители еще недавно правивших бал военно-репрессивных кругов.

Газета «Монд» в статье «Уругвай после долгих лет диктатуры» метко, хотя и однобоко, заметила, что «уругвайцы лишены всего, кроме чувства юмора». Как бы подтверждая эту характеристику, один уругвайский собеседник сказал мне: «Знаете ли, в чем состоит разница в претензиях на власть «миликос» (так презрительно именуют военных.— К. Х.) в Бразилии, Аргентине и Уругвае? А это как в затасканном скабресном анекдоте. В Бразилии «миликос» могут, но не хотят, в Аргентине хотят, но не могут, в Уругвае не могут и не хотят». Сравнение хлесткое, но не отражающее реальность. Любая военщина жадно тянется за государственным пирогу власти, и уже вкусившая его уругвайская — не исключение. И история, и современность учат, что единственный способ обуздать милитаристские аппетиты — объединенные действия народа.

НИКОГДА БОЛЬШЕ!

По обе стороны Ла-Платы жизнь внешними приметам напоминает одна другую. Сходен монотонный сельский пейзаж с уходящим в прошлое вольнолюбивым сыном пампы гаучо. Как в Уругвае, так и в Аргентине — этнически однородное белое население, в отличие, скажем, от Бразилии, где в основном обитают мулаты, или от остальных латиноамериканских стран преимущественно с потомками индейцев.

«Риоплатенсе», как именует себя прибрежное население двух стран, говорит на испанском языке с неповторимым, слегка бравирующим акцентом. Там никогда не произнесут вежливое обращение «кабальеро», но только — «кабажеро». Любимая обжорка — «чурраскерия», где в ушедшие в безвозвратное прошлое старые добрые времена подавали бифштекс или зажаренное на углях «асадо». Любимый напиток — «мате», горячий терпкий настой из сухих листьев.

Уругвайцы и аргентинцы друг у друга оспаривают футбольную и танцевальную корону. Со стен баров Монтевидео и Буэнос-Айреса смотрит тонкий профиль «нашего Карлоса», «отца танго» Гарделя. Свою родословную танго ведет от креольской милонги — стремительной танцевальной песни под шестиструнную гитару. Рождалось танго в нищих городских предместьях и портовых притонах и лишь многие годы спустя было признано высоким искусством. Недавно танго впервые исполнялось в названном по имени Колумба театре оперы и балета «Колон», который аргентинцы считают самым большим в мире. Честь была оказана знаменитому композитору и пианисту Освальдо Пуглиесе, еще в годы гражданской войны в Испании связавшего свою жизнь с Коммунистической партией.

Роднят уругвайцев и аргентинцев черты национального характера. Они более сдержанны, менее эмоциональны и импульсивны, чем остальные латиноамериканцы. «Поэтому у нас самая низкая рождаемость в Латинской Америке», — отшучивается «риоплатенсе». Впрочем, досужие наблюдения об «уникальных» чертах национальной психологии часто грешат субъективизмом туриста, делающего безапелляционные суждения о чужой стране путем ее обзора из окна автобуса. Принято говорить: «легкомысленный француз», «педантичный немец». А вот Александр Блок оставил нам такие строки: «...острый галльский смысл и сумрачный германский гений». Известна осторожность, с которой В. И. Ленин подходил к оценке национальной психологии, характера. В ответ на самонадеянное заявление итальянского социалиста Лаццари: «Мы знаем психологию итальянского народа», В. И. Ленин заметил: «Я лично не решился бы этого утверждать о русском народе...»

Монтевидео и Буэнос-Айрес географически близки друг к другу как ни одни другие южноамериканские столицы. Самолет домчит за тридцать минут, а можно, как три десятилетия назад, карабкаться вверх по устью Ла-Платы. Всю ночь за стеклом иллюминатора лениво наплещет мутная волна. Сквозь дымку утреннего тумана проступают напоминающий подкову низкий берег, контуры непривычных после малоэтажного Монтевидео небоскребов. Только тогда в Байресе, как жители называют родной город, было три миллиона человек, а сейчас перевалило далеко за десять.

Байрес с его живописными площадями и улицами, зелеными парками и бульварами, помпезными зданиями в стиле позднего барокко и модернистскими громадами в духе рационализма — по праву один из красивейших городов мира. «Второй Париж», — стараясь польстить, говорят иностранцы. «Нет, это Париж — второй Байрес», — обижаются его патриоты. Они утверждают, что только в Байресе есть «самое, самое». От площади со зданием конгресса, от выкованной из бронзы аллегорической скульптуры женщины — Аргентины, которая распростерла руки с разорванными цепями, от указателя «Нулевой километр дорог страны» начинается авенида Ривадавиа, которую аргентинцы считают самой длинной улицей в мире. Ее самая широкая улица — авенида 9 июля с карандашом-obeliskом, воздвигнутым в 400-летнюю годовщину основания города, название которого в переводе звучит «Добрый воздух». Не ведали отцы-основатели, какие малоприятные экологические сюрпризы преподнесет им климат и промышленная цивилизация, высокая влажность и гарь.

Жители Байреса утверждают, что их город добился мирового первенства на душу населения по количеству памятников разного калибра — от сложных по композиции и многофигурных монументов до штампованных сереньких бюстиков в честь неведомых даже образованным старожилам героев, поскольку время давно стерло их имена. Но есть и превосходные по своему мастерству памятники. В парке Палермо воздвигнут монумент испанцам тех поколений, которые сжимали не меч конкистадора, а плуг пахаря и молот кузнеца. Памятник труду — вылитая из бронзы группа вытянувшихся цепью людей — символизирует подвиг тружеников как единственных создателей всех материальных благ. Множество конных статуй. Даже прославленный Сервантесом Росинант по прихоти скульптора обрел неожиданную пластическую резвость. На площади Италии — громоздкий памятник неистовому Гарибальди, который и в этих местах сражался «за нашу и вашу свободу». Конная статуя воздвигнута в честь выдающегося борца против колониального гнета генерала Сан-Мартина. Другой памятник запечатлел его не бойцом, а мыслителем. Прах Сан-Мартина покоится в кафедральном соборе на старейшей Майской площади, где расположен Розовый дом — резиденция главы государства.

По примеру бразильского соседа правительство выступило с инициативой уже в ближайшие годы перенести столицу в Патагонию. Мотивируется это необходимостью стимулировать развитие плохо освоенных внутренних районов страны и разгрузить мегаполис, который сконцентрировал почти половину промышленных рабочих и государственных служащих. В беседе с аргентинским президентом Раулем Альфонсином я поинтересовался темпами строительства новой столицы. «Темпы высокие, и мы наконец дадим работу части наших архитекторов. Ведь по их числу — один на 23 жителя — Аргентина занимает первое место в мире, — полушутливо ответил президент. — Поневоле большинство наших зодчих крутят баранку такси или занимаются мелкой торговлей». Мне же кажется, что строительство новой столицы имеет иную цель: замкнуть центр политической жизни в границах малонаселенного глухого городка и уменьшить возможность военных переворотов, ставших трагедией для аргентинского народа.

Последний по времени путч свергнул в 1976 году президента «Исабелиту» — Марию Эстелу Мартинес де Перон. Многие годы на политическую жизнь Аргентины активно влиял Хуан Доминго Перон, сочетавший популистские, антиолигархические призывы с высокомерным национализмом и даже пронацистскими симпатиями. В ловком манипулировании настроениями масс он опирался на влиятельные профсоюзы и... свою очаровательную жену Эву, Эвиту, как ее любовно называли миллионы аргентинцев. В Латинской Америке впервые женщина была допущена в «большую политику». Молодой вице-президент, наделенная титулом «духовный вождь аргентинской нации», проявила незаурядный ум и задатки трибуна, способного приводить в экстаз флегматичных по латиноамериканским меркам аргентинцев. Рано ушедшая из жизни Эвита стала легендой, что не помешало, однако, после свержения военщиной Перона осквернить ее прах и в переносном и прямом смысле.

Для Перона потянулись долгие годы мадридской эмиграции. А живавшие аргентинцы все чаще вспоминали с тоской недавние времена, когда страна занимала пятое место в капиталистическом мире по доходам на душу населения. Лихолетье второй мировой войны для одних обернулось сказочным обогащением для буржуазно-помещичьей верхушки Аргентины, ее пастбища и пашни за звонкую монету кормили голодную послевоенную Европу. Чем хуже жилось аргентинцам, тем ярче сияла звезда Перона. Триумфатором вернулся он в Розовый дом с новой молодой женой, схваченной цепким оком старого волокиты на сцене ночного кабаре. Но Исабелита так же мало напоминала Эвиту, как престарелый политикан лихого полковника Перона. Он внезапно умирает, и вице-президент автоматически становится главой государства. Фактически всеми делами вершат временщики-лихоимцы, население шокируют скандальные финансовые аферы, и военные, используя всеобщее недовольство, берут власть в свои руки во имя «спасения нации».

Тогда мало кто мог подозревать, что вместо спасения нации против нее будет развязан подлинный геноцид, который можно сравнить только с террором фашистской хунты в Чили. Реакционная военщина вознамерилась одним махом и навсегда покончить со всеми инакомыслящими. Началась самая мрачная полоса в истории Аргентины.

Менее чем за восемь лет диктаторского режима было зарегистрировано тридцать тысяч «пропавших без вести» — замученных палачами людей. В основном это были рабочие и студенты. Каждая третья жертва — женщина, каждая четвертая из них в момент ареста была беременна. Бесследно исчезали не только коммунисты, но и священники, не только взрослые, но и дети. Ужас наводили военизированные банды «три А» — «Аргентинский антикоммунистический альянс» и «эскадроны смерти». Переодетые офицеры и полицейские, часто в париках и масках, после ареста людей заточали их в сотни тюрем и концлагерей, названных самими похитителями «колодцы».

Почти в центре Буэнос-Айреса, на зеленой лужайке расположено веселенькое белоснежное здание с колоннами. Подземелье военно-морского технического училища заглушало стоны жертв. На лексиконе палачей истязание электрошоком игриво называли «Маргарита». Позу жертвы с заломленными за спину руками, привязанными к коленям, именовали «самолет». «Мокрое подводное плавание» — это когда человек захлебывается в ведре с нечистотами, а «сухое» — удушье в полиэтиленовом мешке. Потом забивали насмерть. Живых людей с привязанными к ногам цементными блоками сбрасывали с самолетов в океанскую пучину. В заброшенных строениях — «арсеналах» людей взрывали динамитом.

Обещанное сменявшими одна другую военными хунтами материальное благополучие обернулось невиданной в истории страны нищетой. Квасные патриоты собственным желудком подсчитали, что Аргентина, где «все — самое, самое», побила мировой рекорд по росту инфляции. Денежные купюры в банках взвешивали на весах. Менявшиеся по несколько раз в день цены на товары первой необходимости получили название «вальса этикеток». Зато на обломках денационализированных отраслей экономики укреплялось могущество транснациональных, американских корпораций. Пустовали учебные заведения, и аргентинцы превращались в нацию неграмотных.

Военную верхушку доконала мальвинская катастрофа. Когда-то Аргентиной распорядилась Англия, потом ее вытеснил американский конкурент, но Лондон продолжал незаконно удерживать Фолклендские, или Мальвинские, острова. Аргентинская военщина решила вернуть их, рассчитывая, что молниеносная победа поможет сохранить власть и «списать» все преступления. Расчет был сделан и на благородный порыв молодежи, ее готовность восстановить суверенные права родины. Массовые демонстрации фактически в поддержку внешней политики

правительства не прекращались на столичной площади Британии перед башней с часами, воспроизводящих лондонский «Биг Бен».

К затерянными в Южной Атлантике скалистыми островкам была поднята британская армада с атомным оружием. Хунта не сомневалась в американской поддержке, ведь она держалась у власти во многом благодаря Белому дому, но и щедро платила ей беспощадной антикоммунистической борьбой. Не будут руководители Пентагона и ЦРУ рубить тот аргентинский сук, на котором они сидят! Однако США выбрали меньшее из двух зол и полностью поддержали своего главного союзника по НАТО. После Мальвин в вероломстве официального Вашингтона убедились даже поставленные им у власти латиноамериканские «гориллы».

Те, кто под звуки фанфар послал на верную гибель воинов-патриотов, оказались бездарными полководцами. Нельзя быть в одночасье и защитником народа и его палачом. Поражение на Мальвинах — это и крах пентагоновских доктрин «внутренней войны», «национальной безопасности», которые возлагали на латиноамериканские армии чисто карательные функции. Еще никогда военная верхушка Аргентины не покрывала себя таким очевидным для всех позором. К тому же давнее соперничество между армией, авиацией и флотом переросло в открытую грызню, когда каждая сторона сводила счеты с другой и называла ее главной виновницей поражения.

Мальвины открыли новую главу в истории Аргентины, ее «постмальвинский период» начался с единодушного и твердого требования: «Они должны уйти!». Должны уйти те, кто, забрызгав собственный мундир народной кровью, оказались неспособными ни к чему. И милитаризм был вынужден отступить. Тысячи и тысячи убитых горем женщин запрудили Майскую площадь перед Розовым домом. На голове у каждой белый платок с дорогими именами «пропавших без вести» — сына, дочери, брата, сестры. Так возникло самое гуманное движение за восстановление элементарной демократии — «Матери с Майской площади». Вскоре состоялись выборы, которые привели к власти лидера старейшей буржуазной партии радикалов Рауля Альфонсина, опередившего своего основного конкурента — расколотившую на кланы перонистскую партию. По оценке французского журнала «Монд дипломатик», гражданский президент «получил в наследство обезумевшую экономику, разваливающуюся государственную систему, разложившееся, изверившееся общество, которое переживало самый глубокий за всю свою историю моральный кризис».

Когда в здании закрытого долгие годы конгресса, откуда еще не выветрился нафталиновый душок, я спросил вице-президента и одновременно председателя сената Виктора Мартинеса, каковы главные проблемы страны в ее «постмальвинский период», то собеседник, не умаляя чрезвычайных экономических трудностей, первойшей задачей назвал сохранение и укрепление конституционного режима. Задача эта, заявил вице-президент, неразрывно связана с борьбой за мир, что и побудило

Аргентину составить «делийскую шестерку», активно выступить за прекращение атомных испытаний, гонки ядерных вооружений и планов ее перенесения в космос. На это решение, мне кажется, повлияло и стремление демонстративно отмежеваться от внешнеполитического курса военной хунты.

Шла беседа и в здании, только недавно возвращенном его собственнику — Центральному Комитету Компартии Аргентины. Ее генеральный секретарь, бывший рабочий-металлург голубоглазый Атос Фава подчеркнул необходимость создать твердые гарантии против путчистских рецидивов. Политика же Вашингтона на деле способствует подрыву демократического процесса и прежде всего умножению экономических тягот. На мустанга пытаются набросить лассо, затянуть на Аргентине петлю долговой кабалы. Американские заимодавцы требуют, чтобы аргентинцы потуже затянули пояса, развивали по преимуществу экспортные отрасли сельского хозяйства, превратились в аграрный придаток индустриального Запада. И попутно Аргентине предлагается наращивать электронную промышленность, которая, по оценке компетентного местного журнала «Экономиста», «ни в чем не уступает электронной промышленности Канады и располагает отличными специалистами». Пентагон ставит, правда, одно условие: подключиться к программе «звездных войн» вместе с орудующими в Аргентине американскими концернами. Недаром самое высокое здание в Буэнос-Айресе принадлежит монополии по производству ЭВМ «Интернэшнл бизнес мэшинз», входящей в первую пятерку самых богатых корпораций США.

Насквозь лицемерна позиция официальных кругов США, которые на словах вроде бы одобряют осуждение организаторов массовых репрессий. А что на деле? Ведь генералы-преступники прошли муштру не где-нибудь, а в военных центрах США. Они же пришли к власти и сохраняли ее только с благословения Вашингтона. Палачи из Аргентины котировались по самой высокой таксе в организованных ЦРУ репрессиях против патриотов стран Центральной Америки. Правда состоит в том, что от аргентинских диктаторов в Вашингтоне отступились лишь в ходе мальвинского кризиса.

Демократическую общественность законно тревожит форсированное восстановление подорванных Мальвинами контактов вновь зашевелившейся военщины с Пентагоном. Он держит за пазухой козырную карту генеральского путча, а пока домогается под предлогом модернизации вооруженных сил увеличения военных расходов. Ползут лживые слухи о том, что солдат вынуждены распускать по домам из-за отсутствия продовольствия в казармах. А там идут богослужения в память «убитых в битве с антихристом — коммунизмом».

Делается ставка и на пределы человеческой памяти. Поредел поток зрителей, еще недавно бравших приступом кинотеатры, в которых демонстрировались поставленные режиссером Коста-Гаврасом фильмы «Осадное положение», «Пропавший без вести», «Дзета». Фильмы эти

с разоблачением зверств пришедших к власти с помощью США военно-полицейских хунт высекали слезы праведного гнева. Вновь нахлынули эти чувства, вновь воскресла память об ужасах недавнего прошлого, когда выносили приговор организаторам «грязной войны» против собственного народа, руководителям трех военных хунт. Автор этих строк был свидетелем завершения суда над главарями военно-полицейских режимов. «Латиноамериканским Нюрнбергом» назвали этот необычный процесс.

Нельзя не упомянуть, что организаторы геноцида рассчитывали на безнаказанность. Президент-палач генерал Роберто Виола не постеснялся заявить в ходе одного из своих визитов в США: «В Аргентине никогда не будет нового Нюрнберга». Но правосудие свершилось. Впервые в кровавой истории Латинской Америки главарей военно-полицейских режимов судили за преступление против человечности. На скамье подсудимых оказались девять генералов и адмиралов, включая трех бывших президентов, которых, подобный обнаженному нерву, прокурор обвинил «в установлении в Аргентине режима тайного, жестокого и трусливого государственного терроризма».

В центре Буэнос-Айреса, в массивном здании с колоннами в два этажа из серого гранита председатель федерального суда, за спиной которого изображена богиня правосудия Фемиды, в течение 45 минут оглашал приговор. Подсудимые не пожелали покинуть комфортабельных камер военной тюрьмы «Магдалена» и следили за заключительным судебным заседанием по телевизионному экрану. Соизволил занять скамью подсудимых в окружении личных телохранителей лишь генерал Рубенс Доминго Граффинья. С виду безобидный старичок, он подслеповато моргал, словно не по его адресу перечислялся реестр преступлений: 34 незаконных ареста, 8 похищений, в том числе ребенка, 96 подлогов, 35 санкций на пытки, присвоение имущества «пропавших без вести».

В зале суда незримо присутствовали свидетели обвинения. Показания чудом оставшихся в живых составили 400 тысяч страниц весом в три тонны. Но на каких весах измерить всю бездну человеческого страдания!

Вся палаческая иерархия — от рядового костолома до президента — была связана круговой порукой. Но к ответу призвали лишь главарей, остальных реабилитировали как «исполнителей ошибочных приказов».

Звучит приговор, который ждет вся страна. Главари военных хунт генерал Хорхе Рафаэль Видела (еще недавно буржуазная пресса почтительно называла его «образцовым семьянином» и «ревностным католиком») и адмирал Эмилио Эдуардо Массера приговорены к пожизненному тюремному заключению, трое — к заключению от 4,5 до 17 лет, остальные, в том числе генерал Граффинья, оправданы.

Приговор вызвал бурную реакцию. Широкая общественность расценила его непростительно мягким. Реакционеры же сочли «оскорбительным для чести мундира» и верно усмотрели в самом факте приговора опасный прецедент для кандидатов в диктаторы. Им аргентинский народ в память о недавнем трагическом прошлом твердо заявил: «Никогда больше!»

ГИГАНТ ДЕЛАЕТ ВЫБОР

Под названием «Никогда больше!» и бразильские правозащитники издали книгу с документами о репрессиях в период более чем двадцатилетнего военного режима. Современная бразильская политическая терминология относит такие обличительные книги к жанру «реваншистской» литературы: под реваншизмом бывшие власть имущие подразумевают требование демократической общественности привлечь к ответственности активных участников репрессий. Подобные требования множатся.

Рост гражданской активности отражается в известной мере в дебатах конгресса. В его причудливом здании — двух соединенных между собой параллелепипедов с чашами, в одной из которых, «перевернутой», заседает сенат, а в другой палата депутатов, — я оказался в канун роспуска на каникулы очередной парламентской сессии. Сновали конгрессмены, каждый из которых при входе в зал заседания получал жетон, фиксирующий его явку и соответственно скользящий размер депутатского жалованья. Гудел, как улей, пресс-центр.

Предмет жарких дебатов — проект закона о налогообложении, который местные журналисты без особых на то оснований окрестили «местью Робина Гуда». Другой, наиболее неотложный вопрос — необходимость проведения аграрной реформы, удовлетворение чаяний 10 миллионов безземельных крестьянских семей. Свыше двадцати лет назад автор этих строк был случайным свидетелем обсуждения в конгрессе одного из вариантов земельной реформы. С тех времен мало что изменилось. Недавно президент, минуя парламент, подписал декрет о национальном плане аграрной реформы. Опасения латифундистов, размерам владений которых может позавидовать иное государство, оказались преждевременными. Распределению подлежат прежде всего принадлежащие государству малопродуктивные земли.

Молодой председатель конституционной комиссии сената Жозе Игнасиу Феррейра в беседе рассказал, как после многолетнего простоя набирает скорость политическая машина страны: избрали президента, депутаты конгресса, префектов крупных городов, легализуются политические партии, в том числе прошедшая все испытания боевая Бразильская коммунистическая партия, предстоят выборы губернаторов штатов и де-

путатов учредительного собрания, призванного принять конституцию «новой республики». Так именуется «послевоенная» Бразилия.

В разговор вступает заместитель председателя комиссии по иностранным делам палаты представителей Жоао Эрманн. Он подчеркивает, что ревизуется не только внутренняя, но и внешняя политика. Недавнюю исключительную ориентацию на «великого северного соседа» сменяет прагматическая политика «всех азимутов». Вашингтон хотел бы видеть Бразилию своим субжандармом на континенте, и не без известных оснований. Когда империализм учинил расправу над Доминиканской республикой под флагом «межамериканской коллективной акции», то вслед за морской пехотой США высаживался пусть и символический по численности, но бразильский карательный контингент. Трудно сейчас подобное представить в стране, которая высказывается за уважение суверенных прав других народов.

О миролюбии независимого внешнеполитического курса Бразилии говорил пожилой, массивного облика министр иностранных дел Олаво Сетубал, вскоре вновь вернувшийся к руководству одним из крупнейших банкирских домов. А тогда он готовился к первому в истории Бразилии визиту в Советский Союз главы внешнеполитического ведомства. Собеседник подчеркнул совпадение или близость позиций СССР и Бразилии по широкому кругу принципиально важных международных проблем, прежде всего сохранения мира. Отметив традиционную корректность советско-бразильских отношений, он сказал, что развитие политических, торгово-экономических, научно-технических связей осуществляется с учетом роли Советского Союза в современном мире.

Внутреннее убранство министерства иностранных дел, которое по названию его резиденции именуют Итамарати,— стильная мебель красного дерева с бархатом малинового цвета, позолота, темные холсты со строгими лицами государственных мужей времен империи контрастирует с ультрасовременным зданием министерства, как и других столичных новостроек.

За свою недолгую историю Бразилия обосновалась в третьей по счету столице. Вспоминается, что сравнительно недавно город Бразилиа был одной сплошной строительной площадкой. Во времянке с передвижными перегородками из пенопласта трудился архитектурный «генеральный штаб» во главе с «полководцем» — великим зодчим Оскаром Нимайером.

Бразилиа, со своей планировкой, административными и жилыми комплексами, транспортными артериями без закупорки их пробками по праву считается самой современной столицей в мире, невольно переносит нас в грядущий век. Если в Бразилиа бьется политический пульс страны, то ее экономический — в десятиллионном (еще недавно, помнится, жителей было в два раза меньше!) Сан-Паулу. Город называют «южноамериканским Нью-Йорком», но это не комплимент. Скоростные

двухъярусные автострады соседствуют с размытыми дождями улицами с грунтовым покрытием, небоскребы — с «бидонвиллями».

Порядок в Сан-Паулу вызвался навести (а главная проблема города, как и всей Бразилии, — растущая безработица) избранный, ко всеобщему удивлению, префектом «самый непредсказуемый», по мнению бразильцев, политик Жанио Куадрос. Четверть века назад, будучи президентом, он выдвинул лозунг: «Против коррупции!» Плакаты и сувенирные глиняные фигурки пародировали тощего мужчину с густыми усами, угрожавшего казнокрадам карающей метлой. Неожиданно Куадрос наградил высшим орденом выдающегося революционера Че Гевару, и этот жест, словно по заказу, подкрепил утверждения готовивших путч генералов о «коммунистическом заговоре». Еще более неожиданно Куадрос хлопнул дверью президентского дворца, выбрав для отставки момент, когда вице-президент находился за пределами Бразилии и неуправляемый государственный корабль готовились брать на бордаж мятежники. Потом документы доказали, что и Жанио Куадрос, и два его предшественника, и его преемник, оказавшийся последним гражданским президентом до захвата власти военными, были смещены по требованию Вашингтона.

На посту префекта Сан-Паулу Куадрос не расстался с метелкой, но откорректировал прежний девиз так: «Против коммунизма и коррупции!» Антикоммунистическая коррекция не очередная экстравагантная выходка чудака-политикана, а дополнительное свидетельство сложности хрупкого демократического процесса в Бразилии, которому противостоят и влиятельные внутренние и внешние силы, и замшелые предрассудки. В канун своего свержения последний гражданский президент Гуларт произнес вещи слова: «В Латинской Америке богачи немало говорят о глубоких реформах, но называют коммунистом каждого, кто решается их осуществить». И прошлое, и настоящее доказывают, что антикоммунизм — помеха даже самому робкому социальному реформаторству.

Согревающие теплотой человеческого общения, душевно щедрые бразильцы словоохотливо сообщили, что «Куадроса сделало префектом телевидение, а телевидение делает Мариньо в Рио». Роберту Мариньо — глава крупнейшего бразильского газетно-журнального и радиотелевизионного концерна «Глобу», а принадлежащая ему империя голубого экрана — самая процветающая после трех ведущих американских корпораций. Ну, а Рио — всегда «сказочный город», как его с неувядающей гордостью называют коренные жители — «кариоки».

Ослепительны краски Рио-де-Жанейро — лазурь неба, голубизна залива Гуанабара, золото пляжей, сочная зелень ковра, покрывающего холмы и склоны изломов гор с самыми приметными — Корковадо и каменной глыбой Сахарная голова — своеобразными геральдическими символами города. Через залив перекинут новый мост протяженностью полтора десятка километров, соединивший Рио с соседним городом. Шеренга комфортабельных отелей выстроилась вдоль фешенебельных районов пляжей Копакабана, Ипанема, Тижуча, Леблон. Стала шире ду-

га набережной Копакабана, шагнули вдоль побережья новостройки с высотными зданиями и виллами. Там же новое детище Нимайера — цилиндрическая башня самбодрома, дворца неистовой самбы, без которой немойшим карнавальным вихрь.

Империя Роберту Мариньо управляется с центрального проспекта Рио Бранко, названного в честь государственного деятеля прошлого, который находчивые «кариоки» в обиходе именуют Рио банко, — здесь финансовый центр бывшей столицы. Гостеприимный жест Роберту Мариньо был более выразителен, нежели осторожный ответ на вопрос о жгучих проблемах страны: «Главная проблема — трудности переходного периода от власти военной к гражданской. Демократический процесс поддается забастовками, хотя, с точки зрения рабочих, их требования справедливы».

В тот же день газета «Глобу» в редакционной статье высказалась куда более откровенно. Она негодовала по поводу того, что рабочие занимают предприятия, блокируют дороги, что «батраки захватывают поместья для проведения явочным порядком аграрной реформы». Вечером телевидение «Глобу» порадовало программой с документальными кадрами об истории создания в Бразилии профсоюзов, Компартии, стачечного движения. Но потом на экране замелькали полицейские дубинки, армейские тесаки и ружейные приклады и стал ясен угрожающий смысл телепрограммы: история повторяется, если не погасить классовую борьбу.

Однако принадлежащие Роберту Мариньо органы массовой информации не в состоянии скрыть очевидные факты. Нельзя, например, утаить такую реалистическую констатацию положения бразильских трудящихся: «Сейчас 50 процентов населения получают лишь 3 процента всего богатства. Иными словами, богатые, составляющие 10 процентов населения, присваивают 51 процент валового национального продукта. Один процент землевладельцев располагает 45 процентами обрабатываемой земли». Признание это принадлежит президенту Жозе Сарнею. Он же определил Бразилию, лидирующей в мире по концентрации на одном полюсе богатства, на другом — нищеты, шестое место в перечне самых нуждающихся в продовольствии стран.

В океане бедности есть особенно обездоленные архипелаги. Северо-восток, откуда родом был каждый третий бразилец, социолог Жозе де Кастро в нашумевшей книге «География голода» поставил на последнюю ступень в градации человеческой нищеты. Жестокая засуха и еще более жестокий латифундизм гонят из этих мест безземельных крестьян, которым крупные города во многом обязаны демографическому взрыву: ныне каждый третий бразилец — горожанин. В официальной статистике более 30 миллионов детей значатся в графе «покинутые». Иными словами, каждый четвертый бразилец — бездомный ребенок, подросток, для которых растущая преступность не аномалия, а единственное средство самосохранения.

Страшна жизнь и в каменных джунглях, и в джунглях тропических. Вблизи экватора на берегу величайшей реки планеты Амазонки раскинулся город Манаус. Есть у него плавающий город-спутник на лодках и плотах. Над ихслестанной ливнями ржавого цвета водой поднимаются ядовитые испарения. Когда-то из этих гибельных мест в девственную чащобу «зеленого ада» — сельвы двигались добытчики каучука, сейчас — орды золотоискателей. Среди них и батраки, и беглые каторжники, и обладатели университетских дипломов. Никто не считал старателей «бразильского Клондайка» — одни говорят, что их сотни тысяч, другие — миллионы. Их судьбы вершит связанная с транснациональными компаниями мафия, на службе которой и авиация, и наемные убийцы.

«Золотая лихорадка» косит и пришельцев, и коренных жителей. Все го за какой-то век численность индейцев сократилась в десятки раз, некоторые народности уже не оставили следа в «красной» этнографической книге человечества. В этих краях в ходу безжалостный афоризм: «Горсть золота стоит дороже горсти индейцев». Их, занятых рыболовством, сгоняют с золотоносных земель, а несогласных добровольно гибнуть уничтожают снайперскими винтовками, пулеметами, с воздуха. Совершается геноцид. Мариу Журуна, первый индеец, избранный в национальный конгресс, так сказал о судьбе своих сородичей: «До 1500 года нас считали лишенными души существами низшего сорта. Затем мы стали рабами. Сейчас мы всего лишь жертвы».

В Бразилии сегодня есть немало и других острейших проблем. Страна заняла первое место в мире по размеру внешнего долга, перевалившего за 100 миллиардов долларов. «Наш долг подобен бездне, но Бразилия больше бездна», — бодрятся некоторые оптимисты. Но пессимисты, и их большинство, которых и в Бразилии в шутку называют «информированными оптимистами», справедливо считают, что долговая бездна вырыта не мотовством бесшабашных бразильцев, а корыстью транснациональных, прежде всего американских монополий. Именно они, внедрившись в ключевые отрасли национальной экономики, навязали стране стихию «свободного рынка», сделали Бразилию ристалищем для конкурентной борьбы американских, западногерманских, японских корпораций. Разрекламированное в первые годы военного режима «бразильское экономическое чудо», основанное на сверхэксплуатации трудящихся, потерпело очевидный для всех крах. Сейчас бразильцы почти единодушно клянут международных валютчиков с их убийственными рецептами.

Жизнь — самый мудрый учитель. Еще четверть века назад бразильские предприниматели, политики, чиновники, журналисты любого ранга грубо делились на две категории — «националистов», или людей элементарного патриотического долга, и «энтрегистов» (от слова «энтрегар» — «выдавать»), готовых выполнять в меру своих возможностей любой чужеземный заказ. Так и говорили без особых эмоций: «мой сосед — националист», или «мой домовладелец — энтрегист». А ведь среди

южноамериканцев бразильцы всегда отличались повышенной национальной чувствительностью, анекдоты утрируют их природную ностальгию. Скажи сейчас «энтрегист», и эпитет покажется столь же оскорбительным, как пощечина.

Рост национального самосознания проявляется прежде всего в поисках пути самостоятельного экономического развития. Безмерно богатая природными ресурсами страна способна самообеспечить себя и смягчить кризис ростом экспорта. Но и здесь американцы чинят всевозможные помехи, воздвигают таможенные барьеры. Министр иностранных дел Олаву Сетубал в пространной статье «Новая внешняя политика» оценку отношений с США ограничил фразой: «С США, страной, с которой у нас давняя дружба, мы поддерживаем политический и экономический диалог высокого уровня». Бразильцы обратили внимание не на привычную тональность, а на непривычный лаконизм. Олаву Сетубал был более многословен, когда накануне ухода из Итамарати сказал со знанием дела: «Огромные трудности, которые мы имеем с США, относятся к области так называемой малой политики, согласно традиционной концепции. Для нас это стало большой политикой. Идут дискуссии по информатике, стали, обуви, другим продуктам экспорта. Сегодня тяжбы между Бразилией и США постоянны». Бразильцы с их обостренным чувством национального достоинства законно возмущались, когда трибуна американских монополий журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» оскорбительно назвал Бразилию с ее 125-миллионным населением «больным гигантом Латинской Америки».

Бразилия, которую по праву можно считать континентом на континенте, давно излечилась от «кофейного флюса», вырвалась из пут монокультуры. Империализм в свое время сформировал в каждой латиноамериканской стране уродливую модель экономического развития — производство одного-двух сырьевых продуктов, предназначенных на экспорт. Так, Мексика, Чили, Боливия превратились соответственно в серебряный, медный, оловянный рудники, Венесуэла — в нефтепромысел, Аргентина и Уругвай — в пастбище, остальные страны — в кофейные, банановые и сахарные плантации.

«Земля золотых плодов», как поэтически называли Бразилию, целиком зависела от низкорослых деревьев с белоснежными лепестками цветов, которые потом давали зерна с сердцевинкой от зеленого до розоватого тонов. Страна зависела не столько от капризов природы, сколько от капризов международного рынка.

Ныне Бразилия стала одним из ведущих мировых экспортеров сои, апельсинового сока, мороженой птицы, но монополистический капитал страны стимулирует прежде всего экспорт промышленной продукции. Бразилия, намеренная шагнуть в третье тысячелетие в ранге великой державы, подкрепляет эту заявку внушительной статистикой. Бразилия вошла в первую десятку государств по размеру валового национального продукта, ее объем промышленного производства больше, например,

чем в Индии. Страна обогнала Францию по выпуску стали. Бразилия — среди ведущих государств — производителей ЭВМ, на базе отечественной промышленности готовится к запуску спутника. По экспорту вооружения Бразилия заняла пятое место в капиталистическом мире.

С размахом проводятся исследовательские работы, страна имеет крупные достижения в науке и технике, в том числе приоритетные. Недавний рост цен на нефть, разведанные запасы которой в Бразилии невелики, побудил страну искать альтернативные источники топлива. Уже налажен массовый выпуск бездымного спиртового топлива, полученного из сахарного тростника, что позволяет разумно решать и экологическую проблему. Спиртовое топливо используют почти все автомашины национального производства. По выпуску автомашин Бразилия вышла в первую десятку государств мира.

Полукилометровый ажурный мост на двух опорах переброшен через реку Игуасу, мутные воды которой берут начало в Паране, что означает на местном индейском диалекте «родственник моря». С головокружительной высоты открывается панорама вечнозеленой тропической сельвы. По одну сторону реки бразильский штат Парана, по другую — аргентинская провинция Мисионес.

На торжественной церемонии открытия международного моста встретились законно избранные президенты Бразилии и Аргентины. Мост не просто географически соединил две соседние страны, правители которых традиционно оспаривали лидерство на континенте. Принятая президентами Бразилии и Аргентины «Декларация Игуасу» символизирует дух конструктивного сотрудничества — требование уважения демократических свобод, экономической независимости, невмешательства во внутренние дела, призыв к объявлению Южной Атлантики зоной мира, к решению региональных конфликтов, особенно в Центральной Америке, политическими методами, готовность способствовать устранению угрозы ядерной милитаризации континента.

Полукружием пересекает Игуасу гирлянда знаменитых водопадов, самый буйный из них — «Глотка дьявола» — низвергается с 70-метровой высоты в тесный каньон. А на водной глади переливается всеми своими цветами удивительная радуга. Но сегодня наиболее известная местная достопримечательность — гидроэнергетический комплекс «Итайпу». На языке индейцев-гуарани это слово поэтически звучит как «поющий камень».

В безлюдный воскресный день мы прошли по дороге, проложенной на высотной плотине, которая перегородила Парану. В конце 1984 года были пущены две турбины по 700 тысяч киловатт каждая, а к концу 1990 года, когда, по расчетам бразильских гидростроителей, будут задействованы еще 16 турбин, мощность самой крупной в мире ГЭС достигнет 12,6 миллиона киловатт. Для бразильцев слово «Итайпу» как бы олицетворяет будущее их родины.

Бразильцы сознают, что растущая роль гигантской страны в современном мире властно требует решения насущных внутренних проблем, и прежде всего в направлении социальной справедливости. Ее заслужил бразильский народ своими тяжкими испытаниями, своим талантом и созидательным трудом.

Бразилия живет в ожидании перемен. Об этом говорили все мои собеседники, в том числе гидростроители «Итайпу». Ходят слухи об аграрной реформе, о других социальных проектах. Конечно, в этих разговорах много наивных мечтаний, но неунывающие бразильцы не могут жить без надежды на лучшую человеческую долю. Давно идущая на сцене одна из самых популярных пьес так и называется: «Бразилец — профессия — надежда».

ЗА ПОВОРОТОМ — СТРЕССНЕРЛАНД

Международный мост через Игуасу — на стыке трех стран, он дает возможность в течение одного часа проехать по территории Бразилии, Аргентины и Парагвая. После проверки документов я въехал на мост из северной аргентинской провинции Мисионес, острым клином врзавшейся в сельву. Разбитной водитель такси и он же владелец фирмы с парком в одну автомашину аргентинец Хосе Альберто Санчес берется за четверть часа домчать до города с претенциозным названием Пуэрто Президенте Стресснер. Мой гид, не разобравшись в национальных особенностях пассажира, доверительно сообщил, что городишко довольно паршивый, но там навалом дешевых контрабандных товаров, а в полутора сотнях только зарегистрированных публичных домов обслуживают на уровне мировых стандартов по весьма доступным ценам. Да не нужен даже один дом, не тянет в этот веселый город, и вообще у советских людей как-то нет привычки ездить в Парагвай.

Превращенный в один сплошной концлагерь нищий Парагвай не случайно называют «четвертым рейхом Стресснера». С 1954 года, когда не без помощи американцев власть захватил сын владельца мюнхенской пивнушки Альфредо Стресснер и установил режим военно-фашистской диктатуры, Парагвай стал адом для его жителей и раем для нацистов. Сразу после войны американские спецслужбы организовали операцию «Надежное убежище». Это — кодовое название тайной переброски в Южную Америку гитлеровских палачей. Наибольшее их число осело в Аргентине, а потом в Парагвае. Многие из них на службе у Стресснера тренируют армию и жандармерию для подавления освободительной борьбы.

Однако сегодня в Белом доме отдают отчет в том, что пришло время сдавать в музей «тиранозавра» Стресснера. Президент Рейган словесно выразил сожаление по поводу того общеизвестного факта, что в Парагвае «не осуществляется демократический процесс». Как же планиру-

ют в Вашингтоне его осуществление? По оценке информированной бразильской газеты «Жорнал ду Бразил», в США и ФРГ рассматривают вариант замены одиозного Стресснера «более respectableм гражданским лицом из числа лидеров правящей партии. Не исключена возможность, — отмечает газета, — что США и Западная Германия, имеющие значительные экономические и политические интересы в Парагвае, прибегнут к гаитянскому варианту решения этой проблемы». Итак, вашингтонские поборники «прав человека» намерены сохранить систему стресснеризма.

По многим показателям Парагвай держит первое место в мире. Но это трагические рекорды. Мировой рекорд по количеству эмигрантов. Мировой рекорд по количеству агентов тайной полиции на душу населения. Если даже считать младенцев и столетних старух, то каждый девятый парагваец прошел через тюрьму. Мировой рекорд по длительности содержания в тюрьмах политзаключенных. Почти два десятилетия держали в темнице вожака парагвайских коммунистов Антонио Майдану. Под давлением требований мировой общественности его вынуждены были выпустить на свободу, но вскоре похитили в Буэнос-Айресе и вновь бросили в застенки. Зато в Парагвае нашли гостеприимный приют нацистские убийцы. Недавно там испустил дух в собственной постели Эдуард Рошман, прозванный «палачом Риги». Многие годы там благоденствовал доктор медицины и философии, неудавшийся рифмоплет и поклонник классической музыки врач-изувер Йозеф Менгеле, прозванный «ангелом смерти Освенцима». Процветает на щедрых парагвайских харчах бывший начальник гестапо Генрих Мюллер. Поселок Нуэва Эрмания — Новая Германия представляет замкнутую общину, продолжающую до бытовых мелочей жить по законам «третьего рейха».

Представим себе сцену с двумя действующими лицами, один из них секретарь президента Стресснера, немец по происхождению и нацист по призванию, зовут его, допустим, Фридрих, или по-испански Федерико. Другой — высокопоставленный сотрудник ЦРУ по имени, допустим, Джеймс Вонд. В этом вымышленном диалоге автор ручается за фактическую достоверность каждой детали.

...Приемная президента Стресснера. На стене висит картина с его изображением в парадном мундире с лентой и многочисленными орденами. За столом, заваленным бумагами, сидит, низко склонив голову, секретарь президента и подписывает документы. Появляется Джеймс Вонд. Секретарь президента встает и обнимается с ним.

Секретарь президента. Добро пожаловать, Джеймс. Вы прибыли минута в минуту. Точность — вежливость королей и еще акционеров компании, как вы сами называете свою организацию.

Вонд. Нашу организацию, Фред, нашу. А вы постоянны даже в приветствии. Вы не меняетесь, Фред.

Секретарь президента. Я постоянен в дружбе, Джеймс. Мне кажется, что я знаю вас всю жизнь.

Вонд. Что верно, то верно. Мне порой кажется, что когда я впервые открыл глаза, то рядом с материнской грудью увидел ваше лицо. Но не будем впадать в сентиментальность, она чертовски опасна для моей профессии. Да и для вашей. Впрочем, утверждают, что для вас, немцев, сентиментальность — вторая натура.

Секретарь президента. Я всегда рад вас видеть, Джеймс. Полагаю, однако, что столь неожиданный визит одного из руководителей разведывательного управления самой дружественной нам великой державы вызван не только желанием предаться приятным воспоминаниям. Простите, Джеймс, я даже не поинтересовался, как вы добрались.

Вонд. Пустяки, Фред, хотя, пожалуй, с этого я и начну. Как говорил ваш соотечественник, мастер афоризмов Лихтенберг, «меня рвет секретами и вином». Сами видите, приземлился я вполне благополучно. Новый великолепный аэропорт вы назвали именем Стресснера. В салоне для почетных пассажиров первым парагвайцем, которого я увидел, был писанный маслом портрет Стресснера. Точно такой же, как ваш, только раз в десять больше. По-моему, президент облачен в адмиральский мундир. У вас же нет моря? Хотя, простите, у вас есть министерство информации при отсутствии таковой. Следую далее. В аэровокзале нужно было разменять деньги, и в лавке сувениров мне настойчиво пытались всучить десять различных по ранжиру бюстов Стресснера. Я намеренно не извезтил о своем приезде ни нашего посла, ни ваши власти и взял такси. По пути в город я воспользовался сервисом вашей новостройки — общественным туалетом, названным именем Стресснера. Меня назойливо преследовали дорожные транспаранты с верноподданническими лозунгами: «Стресснер — это мир, порядок и прогресс!», «Слава президенту мира и гениальному лидеру национальной судьбы», «Стресснер — лучший боец американского континента!», «Навеки со Стресснером», «Истинный патриот танцует только танец «дон Альфредо!»» Потом мы выехали на улицу лейтенанта Стресснера, оставили в стороне площадь майора Стресснера, пересекли проспект капитана Стресснера, обогнули стадион имени генерала Стресснера и уперлись в бронзовый монумент Стресснеру.

Секретарь президента. Всеми этими почестями весьма удручен сам президент, ведь вы же знаете его скромность.

Вонд. Перестаньте, Фред. Уж передо мной вам не пристало кривить душой. Кстати, таксист, принявший меня за праздного туриста, рассказал презабавный анекдот, в нем и вы фигурируете. Так вот вы, дон Федерико, сообщаете министрам, что Стресснер умер. Все эти бараны испуганно перешептываются и спрашивают друг друга, кто же пойдет к Стресснеру и доложит ему об этом известии.

Секретарь президента. Нет, Джеймс, президент находится в отличной форме.

Вонд. Форма у него действительно отличная, с муаровой лентой через плечо, галунами, аксельбантами и с кучей орденских погремешек.

Но не надо тешить себя иллюзиями о его здравии. Ваши слухачи из полиции распространяют байки об амурных похождениях президента. Плебсу такие вещи нравятся. А вот моим соотечественникам, особенно из категории баптистских моралистов, не очень понравилось сообщение «Вашингтон пост» о том, что для улады Стресснера ему предоставили персональный дом терпимости, который обслуживают малолетки. Американцы задают только два вопроса: кто же ходит в наших лучших друзьях и куда уплывают денежные налогоплательщиков? И потом эти игривые разговоры, что Стресснер в одной постели никогда две ночи подряд не проводит. Но я-то знаю, его терзает не любовный зуд, а страх, что под кроватью вместо ночного горшка окажется бомба. Перед приездом сюда я еще раз посмотрел запись замедленной киносъемки с позирующим президентом. Почему у него оцепенелый взгляд и вид египетской мумии? Почему он не протягивает руку даже своим приближенным? Почему, наконец, черт побери, о здоровье президента я должен узнавать не от вас? Ведь я плачу вам не только дружбой, плачу вам звонкой монетой.

Секретарь президента. А вот это зря, Джеймс. Почти за полвека, что мы знаем друг друга, я отработал с лихвой каждый вложенный в меня цент.

Вонд. Извините, Фред. Но вы впервые сами вынудили меня затронуть столь деликатную сторону наших отношений. Все дело в том, что реликтовый динозавр, да простит нас президент за сравнение его с доисторическим ископаемым, подмял под себя всех своих приближенных. А что будет, когда вам, дон Федерико, все же придется по анекдоту известить президента о его собственной кончине, кто будет его преемником? Я очень опасаясь, что его преемницей станет революция. И от одной этой мысли мне страшно.

Секретарь президента. Вы пренебрегаете моей информацией, Джеймс, и отдаете предпочтение сплетням оппозиции, которая окопалась в эмиграции и не ведает, что в стране царят мир и покой.

Вонд. Бросьте, Фред, заниматься дешевой демагогией. В вашей стране — кладбищенский мир и покой тюремного застенка. И то и другое необходимы. Кто спорит, что кнут нужен, но в сочетании хотя бы с заплесневелым пряником. Стресснер высокомерно называет Парагвай «демократическим государством без коммунистов». О демократии спорить не будем, пусть каждый понимает ее по-своему. И то, что верховный правитель покончил с коммунистами, весьма похвально и именно за это мы его приглубили. Только сдается, что Стресснер хотел бы видеть свое демократическое государство вообще без парагвайцев, из страны сбежал каждый третий ее гражданин. Теперь же о том, чему я, как вы изволили заметить, отдаю предпочтение. Хотя я и без пяти минут тезка голливудского супершпиона Джеймса Бонда, кинематографические импровизации агента 007 весьма далеки от реальности. Сегодня политическая разведка, ну, а если вещи называть своими словами, то шпио-

наж — точная наука, почти на грани с математикой. Поэтому, Фред, я отдаю предпочтение не вашей информации и даже не сплетням, а всем без исключения фактам, тщательно отфильтрованным и пропущенным через мелкое сито электронно-вычислительной техники и, разумеется, истории.

Секретарь президента. Тогда почему, Джеймс, ваши математики, ваши историки и еще бог знает кто проморгали сначала революцию на Кубе, потом революцию в Чили, потом революцию в Никарагуа, потом восстание в Сальвадоре, не говоря уже о более мелких неприятностях?

Вонд. Не надо язвить, Фред, не надо сыпать соль на нашу великодержавную рану. Правда, вы благородно щадите мои национальные чувства. Ведь вы не упомянули, что мы прежде всего проморгали русскую революцию. С нее и начались все наши беды — большие и малые. Скажу по секрету только вам, но даже ядерный ад я предпочитаю коммунистическому раю.

Секретарь президента. Самая большая ошибка вашей страны, Джеймс, это противоестественный военный союз с Россией против цивилизованной Германии, подданным которой я тогда имел честь быть. В конце концов именно вы, как говорят на Востоке, выпустили джинна из бутылки, а загнать его обратно вам уже не под силу.

Вонд. Что толку, Фред, ворошить теперь историю, поминать наших малограмотных президентов, продажных политиканов и безмозглых слов. Впрочем, Фред, в те годы, когда вы были подданным Германии, ваше цивилизованное отечество, не поперхнувшись, слопало бы Соединенные Штаты с потрохами, не будь у нас военного союза с Россией. Но сейчас меня заботит не прошлое, а настоящее и будущее. Сегодня вся Латинская Америка — пороховой погреб. Вы слышали о теории домино? Достаточно упасть одной костяшке, и она увлекает за собой все остальные. Костяшки эти — латиноамериканские страны. Вы можете гарантировать, Фред, что в этом районе первой упавшей костяшкой домино не окажется ваша страна?

Секретарь президента. Я не пророк, Джеймс.

Вонд. Да, я знаю, вы далеко не пророк. Но вы больше чем кто-либо другой общаетесь с президентом и вы наше доверенное лицо. Поймите наконец, что фасад режима нуждается хотя бы в косметическом ремонте. Недавно мне плакался архиепископ по поводу гонений на церковь. Священнослужителей изгоняют из храмов, монахинь насилуют.

Секретарь президента. Я и не знал, что религия — ваше хобби.

Вонд. А зря. Напомню, что вестибюль нашей главной конторы в Лэнгли украшает изречение из евангелия от Иоанна: «... и познаете истину, и истина сделает вас свободными». Моя задача и заключается в том, чтобы познать истину. Уж вы-то хорошо знаете, Фред, что я не чистоплюй. Мои парни в зеленых беретах сомкнули кольцо вокруг отряда Че Гевары, и ваш покорный слуга вложил в руки боливийского унтер-офицера американскую автоматическую винтовку, из которой за-

стрелили в упор плененного партизанского вожака. Я готовил переворот в Чили и физическое устранение президента Альенде. Я пытался спасти режим Сомосы в Никарагуа, и я бы спас его, будь у нас на руках козырная карта в лице влиятельной, но послушной нам оппозиции. А вместо добропорядочной оппозиции мы получили босяцкую революцию, и мне пришлось переправлять Сомосу к вам. Кстати, ваш патрон по-свински обошелся со своим лучшим другом.

Секретарь президента. Вы имеете в виду, что мы его не уберегли от бомбы коммунистического террориста?

Вонд. Нет, я имею в виду заранее спланированное вами убийство. Вспомните, что в тот день, когда Сомосу готовились разнести в клочья, улицы обезлюдели, исчезли полицейские и его бронированный «мерседес» оказался неисправным. Я понимаю, двум закадычным друзьям оказалась тесной одна берлога, и ваш президент, свалив убийство Сомосы на коммунистов, до основания завинтил гайки. Напомню только, что о папаше покойного один из наших президентов как-то сказал: «Сомоса, конечно, сукин сын, но это все же наш сукин сын». Понимаете, наш, а не ваш, и господин Стресснер создает на собственную голову опасный прецедент для тех наших друзей, которые завтра могут лишиться власти. Помните бы верховному правителю, как уносили ноги чета Маркос и «Бэби док». Этот черномозгий бедолага колесит по белому свету со своими миллионками, и ни одна, даже самая шившая страна не рискует дать ему пристанище. Вы, разумеется, не были на Гаити — хотя бы потому, что боитесь высунуть нос из тропического фатерланда. А я бы и ночью с гаитянского берега лицезрел огни на Кубе. Зрелище не из приятных, потому что миллионы людей называют эту страну маяком. Нельзя допустить, чтобы такие маяки множились.

Секретарь президента. Но ведь смену декораций и на Филиппинах, и в Гаити готовили вашигтонские режиссеры. Давайте, Джеймс, говорить без околичностей. У меня складывается впечатление, что вы готовите гаитяно-филиппинский вариант, что копают яму нашему президенту. Ваша собственная страна привела генерала к власти, и вы тогда изволили пошутить, что высшее воинское звание в Парагвае — это звание президента. И потом вы сами много раз говорили, что посередине реки лошадей не меняют. Уж не хотите ли вы перенять опыт наших пастухов, которые, когда перегоняют скот через брод, жертвуют одним животным, чтобы отвлечь от всего стада прожорливых пираний. Только с нашим президентом такой номер не пройдет. Он не даст обглодать себя до костей, он еще умеет больно бодаться.

Вонд. Не надо драматизировать. Мы весьма высоко ценим заслуги президента и не дадим его в обиду ни в Парагвае, ни, допустим, в Претории, где при необходимости он найдет гостеприимный приют. А такой вариант нельзя исключать. В вашей жалкой стране пахнет паленым. Как и во всей Латинской Америке, здесь пахнет ненавистным мне бунтом голодранцев. Правильно, посередине реки лошадей не меняют. По-

вторяю, не лошадь, а лошадей. Нам и нужна еще одна лошадка, несколько иной масти, чем президентская. Ручная лошадка, почти как пони, на которых так любят кататься американские ребятишки. Подумайте, Фред, и назовите мне несколько кандидатов. Только, бога ради, не из числа президентских лизоблюдов. Архиепископ, с которым я встречался, метко заметил, что президент назначает на все посты, даже на посты оппозиционеров. А нужен ничем не скомпрометированный штатский из племени критиканов, которому мы можем полностью доверять.

Секретарь президента. Я подумаю, Джеймс, и сообщу вам в скором времени прежним каналом связи.

Вонд. Сделайте милость, Фред. Вот, собственно говоря, и цель моего вояжа. А вообще нужно больше гибкости. То, что сегодня нам кажется невероятным, завтра может обернуться обыденностью. Вспомните хотя бы обстоятельства нашего знакомства. Желторотым птенцом, секретарем нашего консульства, начинал я в этом городе карьеру. А вы, хоть и молодой, но из ранних, уже были местным фюрером и натаскивали ваших головорезов для захвата власти. Вы часто цитировали фразу Гитлера: «Я создам германское господство на этом континенте метисов». Вы часто повторяли пангерманский девиз о том, что кровь сильнее паспорта. Вы потрясали изданными в Берлине географическими картами. На одной Парагвай был изображен как часть «Антарктической Германии», на другой — «Тоталитарных Южноамериканских Соединенных Штатов». И вы чувствовали себя будущим гаулейтером этого сказочного государства, ждали часа, когда в этой туземной стране начнется ночь длинных ножей. Но судьба изменчива. После Сталинграда активы финансировавшего вас «Немецкого банка» заморозили, вы оказались на мели и перешли под нашу опеку. Ваша агентурная информация о планах Гитлера в западном полушарии оказалась на редкость ценной. Я много раз мысленно задавал себе вопрос: испытывали ли вы угрызения совести, помогая злейшим врагам вашего рейха, или же мудро предвосхитили поворот стрелки часов истории? Помогите мне, Фред, решить этот психологический ребус.

Секретарь президента. Не узнаю вас, Джеймс, вы, кажется, действительно стареете. Не знаю, как насчет часов истории, а на моих курантах уже второй час ночи, когда поздновато говорить о совести. Да и что такое совесть в политике, особенно если это большая политика? Вот вы упоминали о вашей роли в свержении правительства Альенде. Не надо преувеличивать, Джеймс. Слов нет, ваши рыцари плаща и кинжала много сделали для ликвидации в Чили левых. И все же они явились лишь пешками, исполнителями воли могущественных сил, например, телефонной и телеграфной компании ИТТ. А ведь президент ИТТ был первым американским бизнесменом, которому пожал руку рейхсканцлер Гитлер. А ведь в годы войны компания ИТТ исправно снабжала вермахт оружием и стратегическим сырьем, аппаратура ИТТ наводила герман-

ские субмарины на ваши боевые корабли и госпитальные суда. Вот вам ответ на далеко не психологический ребус. Говорят, кстати, что совет директоров ИТТ буквально нашпигован вашими коллегами, Джеймс. Еще бы, ведь президент ИТТ получает самое большое в мире жалование. Вы, я понимаю, не нуждаетесь в доходном месте. Полученное наследство обезопасило вас от превратностей судьбы.

Вонд. Точно. А теперь разговор пойдет о коррупции, которая, как ржавчина, разъедает ваш режим. У вас взяточник в генеральских эполетах на взяточнике сидит и взяточником погоняет. У вас нет ни одного офицера или чиновника, который не был бы казнокрадом.

Секретарь президента. Я не раз докладывал об этом президенту, и каждый раз он спрашивал, могу ли я предложить взамен других верных ему генералов и министров.

Вонд. Очень сомневаюсь, что вы докладывали, Фред. Да что толку, если по нашим проверенным данным президент держит и не в банках, не в акциях, а в личной кубышке без малого миллиард долларов. А контрабанда? Она стала узаконенным промыслом для всех офицеров начинающая со взводных командиров. Статистика гласит, что ваша страна держит мировой рекорд по потреблению на душу населения шотландского виски, французских духов и американских сигарет. Население ваше и не слышало о подобной роскоши, потому что вся эта контрабанда перекачивается в соседние страны. Ваш шеф, портретом которого мы любимся, не постеснялся заявить публично, что «контрабанда — это плата за внутренний мир». Эта фраза обошла газеты всего мира, и нам в который раз задала набивший оскомину вопрос: кто же ваши лучшие друзья?

Секретарь президента. Мы во всем подражаем вашей стране, Джеймс. Те, о которых вы говорите, лишь жалкие пригостишки по сравнению с такими учителями, как ваши министры, губернаторы и сенаторы.

Вонд. Оставьте в покое моих соотечественников, речь идет о ваших. Слышали, наверное, древнее латинское изречение: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». А торговля наркотиками? Парагвай превратился в главную перевалочную базу марихуаны и героина, которые из Азии переправляются в Латинскую Америку и Соединенные Штаты. Могу также сообщить вам новость. Главными пайщиками лавочки по торговле наркотиками являются ваш президент и вы, Фред. Ну чего вам не хватает?

Секретарь президента. А чего не хватает вашему послу, у которого тоже немало акций этой, как вы изволили выразиться, лавочки? Ведь вы наши единственные учителя.

Вонд. Здесь вы попали в точку, Фред. Вот такая публика, как наш достопочтенный посол, и губит американскую политику во всем мире. И дело не в его подпольном бизнесе, это у него с отрочества, как перманентная корь. Мы ведь с послом однокашники, вместе протирали штаны в Гарварде. Только когда я, сверкая пятками, гонял на бейсбольном поле

мяч, наш будущий посол, сверкая очками, ссужал студентам доллары под грабительские проценты. Дело, повторяю, не в его финансовых операциях. Но когда он шлет победные дипломатические реляции в Вашингтон и лягушатник в государственном департаменте квакает от удовольствия, мы в нашей конторе скрежещем зубами. Судя по его реляциям, в вашей стране тишь, гладь и божья благодать. И еще всеобщая любовь к президенту. Берегитесь, Фред, ведь это не так. Мне ведь просто загнать вас в угол. Ваша многолетняя запротоколированная информация о каждом чихе собственного патрона наверняка будет стоить вам головы. Я уже не говорю о грехах вашей молодости, о мокрых делах и гибели тех добропорядочных обывателей, которые приходились близкими родственниками нынешних генералов. Прекратим, пожалуй, этот разговор. Здравствуют ли еще ваши друзья в орлином гнезде Новая Германия, этом презабавном паноптикуме? По-прежнему ли там царит истинно арийский дух, звучит чеканный клич «Хайль Гитлер!», по-прежнему там устраивают факельные шествия в день рождения фюрера, награждают друг друга железными крестами и клянутся вновь дойти до Москвы?

Секретарь президента. Многие скончались, остальные постарели, как и мы с вами, Джеймс. Но у здравствующих по-прежнему порох в пороховницах, они по-прежнему бдят.

Вонд. Стресснер, которого за цвет его глаз, а когда-то и шевелюры вы любовно продолжаете называть Блондином, ни в чем не знает меры. Скажите, для чего понадобилось дразнить гусей, во имя чего президентское чадо регулярно сражалось за шахматной доской в столичном Немецком клубе с «ангелом смерти»? В сегодняшнем мире мы по самые уши в собственном дерьме и лишнего нам, кажется, не надо.

Секретарь президента. Не тревожьте прах доктора Менгеле. Слава богу, мир изменился и изменился во многом к лучшему. Еще когда я со страхом думал, что меня ждет после войны, вы, американцы, в одно мгновение уничтожили новым оружием возмездия почти столько же людей, сколько отправил на тот свет за всю жизнь доктор Менгеле. А за эти годы величайшая из наук, наука сокращения рода человеческого, сделала фантастический рывок, чудесные возможности массового уничтожения возросли в тысячи раз. По сравнению с вашими сегодняшними ангелами смерти доктор Менгеле выглядит средневековым кустарем-алхимиком.

Вонд. Одолело нас старческое суесловие. А надо бы поспать несколько часов, прежде чем мой самолет возьмет курс на Вашингтон. Столько лет летаю и до сих пор не научился дремать в воздухе. Я пойду, Фред, и не забудьте о нашем разговоре. Передайте привет президенту. И пока он на вахте, слава Стресснерланду, вызывающему стресс у его врагов во славу свободного мира!

ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Город-крепость Мачу-Пикчу у подножия одноименной горы — главная археологическая достопримечательность Южной Америки. За крепостными стенами из гигантских гранитных монолитов с лабиринтами, нишами и бойницами засели последние защитники инки — владыки могущественного и обширного теократического индейского государства, уничтоженного мушкетерами, а пуще коварством кучки испанских авантюристов под предводительством сиятельного головореза маркиза Франсиско Писарро.

Сельва поглотила разграбленную крепость с ее домами и мостами, каменным компасом и террасами — плантациями, ритуальными поста-ментами и мавзолеями. Только в начале века, расчистив чертополох, люди с изумлением обнаружили образец инженерного и архитектурного искусства. Даже сейчас не просто выбраться из Мачу-Пикчу: сначала пешком, потом на автомашине, а далее по узкоколейке, которую считают самой высокогорной в мире железной дорогой. Путь завершается на перроне вокзала Куско — былой священной столицы империи инков с реющим ныне государственным флагом Перу. Опоясанный снежной грядой Анд, сам взметнувшийся на высоту более трех тысяч метров, Куско представляет один сплошной археологический музей под открытым небом.

В самом Куско ступаешь в буквальном смысле слова по камням истории. Из «инкского камня» вымощена брусчатка мостовой, облицованы фасады домов, выложен их фундамент. В первозданном виде сохранился переулок — ущелье Лорето. В центре города — руины дворца первого инки. Дворцы и храмы разрушило не время, а ярость конкистадоров в латах и сутанах, уничтожавших не только язычников, но и гениальные творения их рук и ума. Что не уничтожалось, то разворовывалось, приз был баснословен для алчных колонизаторов: золото. Во дворе одного из храмов были «посажены» деревья в натуральную величину из золота высшей пробы. Деревья «срубили» и на месте, которому поклонялись «нечистивцы», воздвигли католический собор. «У моих соотечественников похитили даже память о прошлом», — горько заметил сопровождавший нас местный журналист.

Древний Куско концентрирует жгучие современные проблемы 20-миллионного населения Перу. О них неторопливо, тихим голосом рассказывал заместитель мэра молодой архитектор Адольфо Салома со скромными манерами и характерной для индейцев-кечуа внешностью: смуглый, широкоскулый, с темными слегка раскосыми глазами. Мэр был в отъезде, и его заместитель принял в парадном зале, с лентой через плечо и с жезлом «отца города». Сам муниципалитет размещается во

внушительном здании из розового гранита. Его вестибюль украшает надпись, которая воспроизводит традиционную форму приветствия индейцев-кечуа: «Не будь праздным, не будь вором, не будь лжецом».

— Куско называют «красным городом» не только благодаря черепице на кровле его домов. Наш город известен давними революционными традициями, — рассказывал Адольфо Салома. — Но только недавно впервые власть оказалась в руках представителей левых партий. В Куско неизменно верховодили ставленники олигархии из числа продажных адвокатов. Здравый смысл неграмотных индейцев — потомков крестьян-общинников с их стихийной тягой к идеалам социализма никак не мог смириться с тем, что один человек защищает другого не по долгу совести, а за деньги. Не оправдался расчет сделать из Куско источник туристского бизнеса. Зрелище отчаянной нищеты отвращает иностранцев, поток туристов падает, и сейчас их меньше, чем гидов и уличных торговцев. Туризм кормит всего четырех из ста трудоспособных, остальные безработные. Наше спасение — в возрождении местной промышленности, и этим почином мы можем дать хороший пример другим городам. Ведь именно в Куско испанцы завезли овец и здесь была построена первая во всей Латинской Америке текстильная фабрика. Сейчас у нас в избытке превосходная шерсть, которую дает настриг альпака.

В Перу повсюду можно встретить похожих на рослых коз лам и альпака. Они кормят мехом, шерстью, вяленным мясом «чарки», служат единственным транспортным средством молчаливым обитателям Анд — мужчинам в поношенных пончо и вязаных шапочках с кистями, женщинам в пестрых накидках и жестких фетровых шляпах с детьми на спинах. Если на коренное население Америки первые конкистадоры-всадники наводили панический ужас, то проживавшие на территории нынешних Перу и Боливии индейцы принимали незнакомых им коней за сородичей лам.

— Есть еще один потенциальный финансовый источник, — продолжал заместитель мэра. — В Куско орудует принадлежащая иностранцам, в том числе американцам, крупная пивоваренная компания. Пшеничные поля сменили на ячменные, хлеб обменяли на пиво. Владельцы компаний уклоняются от уплаты налогов, истощают запасы дефицитной пресной воды, совершают другие противозаконные действия. Мы начали против «пивных королей» неравный судебный процесс и будем бороться до конца.

В Перу оглушает не просто бедность, а беспросветная нищета и безмерное человеческое горе. Как и во всех других латиноамериканских странах, главная причина человеческой нищеты — вопиющая социальная несправедливость, присвоение богатств кучкой буржуазно-помещичьей и финансовой олигархии и империализмом США. По выражению президента страны Алана Гарсиа, «колониализм создал нашу социальную пирамиду». На ее вершине два процента избранных присвоили более четверти национального дохода.

В редакции крупнейшей буржуазной газеты «Республика» член ее правления сенатор Густаво Моме привел такое сравнение. «Разделите пополам средний доход жителя самой малообеспеченной в материальном отношении западноевропейской страны, и вы получите средний доход аргентинца, — говорил он. — Разделите его пополам, и вы получите доход бразильца, а его деление в два раза даст средний доход перуанца. Дальше делить уже нечего, ибо это почти нулевой показатель». Оторвавшись от чтения свежего оттиска газетной полосы, в беседе выступает главный редактор Рауль Варгас. Он жалуется на падение тиража, многие старейшие читатели газеты могут покупать ее не чаще двух раз в неделю. Такую невеселую статистику преподнесет читателям очередной номер газеты. За последнее пятилетие инфляция подскочила в 5 тысяч раз, вдвое увеличилась смертность детей, их косят туберкулез и постоянный голод, каждую минуту умирают двое детей.

Невыносимо зрелище симпатичных, как и везде, перуанских ребятишек, с мольбой выпрашивающих подавание. Эти толпы бездомных детей — гневное обвинение власти, которая довела страну до самого глубокого за всю ее историю кризиса. В отличие от государств, о которых выше шла речь, виновником бед Перу оказался не военный режим. В последние десятилетия Перу испробовала самые разнообразные формы буржуазной политической власти: олигархический гражданский режим, военно-полицейская диктатура, опять конституционная власть консерваторов, первое в истории Латинской Америки революционно-демократическое правительство военных. Перу как раз-то и доказала, что может быть «иная армия», армия не палачей народа, а его защитников.

Когда в конце 60-х годов армия во главе с генералом Веласко Альваро выгнала из президентского дворца Белаунде Терри, торговавшего страной оптом и в розницу, то всемирная молва единодушно расценила это событие как очередной и ординарный военный путч, которыми так изобилвала бурная история Перу. Но случилось невероятное. Генерал и его сподвижники-патриоты национализировали нефтяную компанию Рокфеллера, взяли под контроль государства ключевые отрасли экономики, ощутили ударил по латифундизму и начали проводить аграрную реформу в интересах беднейших крестьян, лишили власти духовных управителей — владельцев органов массовой информации, провозгласили независимый и антиимпериалистический внешнеполитический курс. Под влиянием освободительного процесса патриотически настроенные офицеры — выходцы из трудовых слоев населения на деле отождествили интересы поруганной американским империализмом родины с интересами угнетенных.

Вашингтон не на шутку перепугали «перуанский феномен», новизна «революционной модели» правительства тех самых вооруженных сил, которые неизменно выполняли волю империализма. С помощью явных и тайных средств в развязанной США необъявленной антиперуанской войне революционно-демократическое правительство военных было

ликвидировано, а потом в президентском дворце вновь объявился старый «демократ» Белаунде Терри. Враги перуанского народа брали социальный реванш. Возобновился грабеж природных богатств американскими монополиями, у крестьян отбирали землю, быстро провели демонтаж национализированной экономики. Щепетильно честных и оставшихся не у дел единомышленников уже покойного генерала сменили обнаглевшие казнокрады. Для перуанцев коррупция стала национальным позором.

Избиратели, которых привыкли дурачить каждые пять лет, отвернулись от кандидатов дискредитированных «традиционных» буржуазно-помещичьих партий и отдали голоса поборникам перемен. Победу на выборах одержала партия социал-демократического толка АПРА, а на втором месте оказалась коалиция «Единство левых сил» с участием Коммунистической партии.

Из перуанской глубинки я вернулся в обращенную к Тихому океану столицу Лиму с ее узкими улицами колониальной эпохи, шумным проспектом Арекипа, аллеями посаженных сотни лет назад оливковых деревьев, с ее единственными в своем роде резными деревянными балконами на фасаде зданий, ресторанчиками, где подают «севиче» — сырую рыбу в пряном соусе, вернулся, когда исполнилось 100 дней пребывания у власти энергичного и улыбчивого Алана Гарсиа, самого молодого президента в Латинской Америке. По традиции 100 дней каждого президента — повод для одобрения первых политических итогов.

В нищей стране каждый, кому посчастливилось получить хотя бы мизерную заработную плату, слыл миллионером, разумеется, по местным денежным стандартам. Давно обесцененную купюру «соль» («солнце» на испанском языке) готовились заменить новой — «инти» (то же слово на языке кечуа). Будет ли индейское «солнце» согревать больше прежнего? В этом сомневаются миллионеры и фальшивые, и подлинные.

Характерна встреча президента с местными фабрикантами и денежными воротилами. Он призывал вкладывать капиталы в экономическое развитие родины, а не вывозить их в США. Он горячо говорил, что негоже стране, подарившей человечеству картофель и кукурузу, тратит дефицитную валюту на закупку за рубежом продовольственных товаров первой необходимости. Он взывал к совести тех, у которых ее нет. Аудитория безмолвствовала.

Правительство отдает отчет в необходимости вывести страну из паралича, видит путь в создании агропромышленных комплексов, в развитии мелких крестьянских хозяйств, а у них нет ни земли, ни техники. «Нужны коренные социально-экономические преобразования, структурные реформы, а правительство не решаете осуществить их», — говорил в редакции органа компартии газеты «Унидад» ее главный редактор депутат парламента Густаво Эспиноса.

Зато единодушно одобряет общественность действия президента по борьбе с коррупцией разбухшего военно-бюрократического аппарата. Открытое казнокрадство особенно бесстыдно на фоне народной нищеты. Изобличен нечистый на руку министр экономики. Он покупал за казенный счет «новые» суда, которые годились разве что на лом. Продажность правившей страной камарильи обнажил сенсационный арест «кокаинового короля» Рейнальдо Родригеса, известного под кличкой «Крестный отец». Он не только хозяин кокаиновых плантаций, тайных аэродромов и авиаэскадрилий, но и respectable владделец около 200 предприятий, член правлений множества компаний. Собственность похожего на неприметного жителя Анд главаря мафии оценивается в сумму, равную четвертой части всего бюджета Перу.

Сотни миллионов долларов наживались на нещадной эксплуатации крестьян, гнувших спины на плантациях «белой смерти». В Перу обильно произрастает низкорослый кустарник кока, мелкие сухие листья которого с их полынной горечью идут на производство кокаина. «Крестный отец» с помощью своего братца — советника бывшего премьер-министра и своего дружка — начальника тайной полиции, тоже бывшего, беспрепятственно поставлял на бездонный американский рынок мешки с кокаином. Долгое время главаря мафии не трогали, а однажды арестовав в США, выпустили за взятку. Прав президент Алан Гарсиа, утверждающий, что не может быть настоящей борьбы с контрабандой наркотиков, пока в США торговцы «белой смерти» безнаказанно занимаются своим промыслом.

Утлую перуанскую лодку раскачивает волна захлестнувшей уголовной преступности и политического террора. Негодование широкой общественности вызывают ультралевачские действия организации полпотовского пошиба под кощунственным названием «Светлый путь», действующей по принципу «чем хуже, тем лучше». Ее провокации используются для разгула правого террора.

Во многих районах страны генералы и помещики развязали «грязную войну» против мирного крестьянского населения. Лаконична страшная по своей сути газетная строка: «Вчера в департаменте Аякуччо убили 59 крестьян». В тот же день телевидение и газеты, но уже со множеством деталей расписывали ограбление в центре Лимы банка, а в другом районе города убийство полицейского двумя гимназисточками. Перуанцев пытаются приучить к атмосфере террора как к рядовым будням. Кому же это выгодно?

Была доказана прямая причастность высших чинов полиции и части вооруженных сил к организации массовых репрессий под предлогом «антиподрывной войны». Наиболее злостных виновников отправили в отставку. Тогда они сколотили организацию «Зеленый путь», начали убивать верных правительству офицеров армии и полиции, поджигать магазины. Обстановка дестабилизации и террора на руку империализму США, с которым правительство Алана Гарсиа вступило в открытый конфликт.

Едва президент пришел к власти, как потребовал умерить аппетиты грабящих нефтяные богатства страны монополий, а они практически все американские. Им предложили выполнять элементарные требования — платить налоги, вкладывать часть прибыли в разведку новых месторождений. Монополисты заартачились. Президент с достоинством заявил, что «суверенитет Перу не подлежит обсуждению» и на законном основании национализировал американскую компанию «Белко петролеум». Нефтяной политикой Алан Гарсиа как бы подчеркнул преемственность антиимпериалистического курса Веласко Альварадо.

Ответом послужила яростная антиперуанская кампания. Подлинная буря разразилась, когда правительство Перу решило ограничить выплату внешнего долга десятью процентами от экспортных доходов страны.

Враги перуанского народа не ограничиваются словесными поношениями. Была задумана беспрецедентная по своей наглости акция: захват хранившегося в США золотого запаса Перу. Слитки весом в 70 тонн чудом удалось вывезти кружным путем через Швейцарию и доставить на перуанский военный аэродром.

Вторично в истории Перу ее хотят так по-разбойничьи лишить национальных богатств. В окрестностях Лимы есть частный «Музей золота Перу». Там собрана коллекция оружия, в том числе охотничья винтовка и дуэльный пистолет Наполеона, но главная музейная достопримечательность — редкостные по красоте золотые идолы, украшения, многометровые златотканые ковры, главный приз Писарро — золото инки. Но в музее собраны лишь жалкие крохи того, что похитили колонизаторы. Вспомним, что считанные годы остались до 500-летия начала кровавой конкисты, со времени завоевания Латинской Америки, и народы этого континента стремятся осознать истоки и по сей день продолжающегося грабежа их родины.

Кафедральный собор рядом с президентским дворцом хранит мощи завоевателя Перу Франсиско Писарро. Там же на площади установлена его бронзовая статуя на коне. Перуанцы несколько раз собирались убрать памятник жестокому завоевателю, да как-то руки не дошли. Шпага Писарро грозно нацелена на циферблат вмонтированных в собор часов, словно он, привыкший при жизни к слепому повиновению, собирается повернуть их стрелки назад. Невольно пришла мысль: как бы хотели нынешние колонизаторы повернуть вспять историю Латинской Америки, повернуть, ну пусть не на столетия, хотя бы на полвека. К счастью, это им не дано.

НОВЬ НОВОГО СВЕТА

Когда по повелению королей Кастилии Изабеллы и Фердинанда Адмирал Моря — Океана Христофор Колумб отправился на поиски кратчайшего пути в Индию, то, не считая крохотного острова Багамской

гряды, первой открытой им «большой землей» Нового Света оказалась Куба. Точное место, где бросил якорь адмиральский флагман — белокрылая каравелла «Санта-Мария», не установлено. Известно, что это бухта Барнай в нынешней провинции Оренте.

Недалеко от этих мест в сочной зелени гор Сьерра-Маэстра расположен самый древний город Кубы — Баракоа. На городской площади — позеленевший от времени бронзовый бюст Атуея — вождя индейцев, сражавшихся против испанских колонизаторов. Рассказывают, что, когда Атуей был приговорен к сожжению, католический священник уговаривал его исповедаться в грехах, посулив взамен райские кущи. Получив утвердительный ответ на вопрос, окажется ли он в раю в компании с чужеземными завоевателями, гордый воин ответил: «Тогда я предпочитаю адские муки». Кажется, что взгляд Атуея испепеляет ненавистный крест на стоящем напротив католическом соборе. Надпись на памятнике лаконична: «Первый мятежник в Америке».

Баракоа — самая восточная точка на карте Кубы. Джеймс Вонд не преувеличивал: в безоблачную ночь отсюда можно уловить мерцание огней Гаити, края нищеты и несправедливости. Узкая полоса воды словно разделила два противоположных мира. Когда я лицезрел гаитянский берег, страну с ее жестокими нравами, описанными Грэмом Грином в романе «Комедианты», тиранил параноик Дювалье-старший. По его приказу была изготовлена и широко распространена фотография, на которой диктатор изображен в парадной форме президента, положив руку на плечо воскресшего Христа. Но даже эта компания показалась тирану непристойной, и он вскоре объявил себя богом.

А на кубинском берегу яркий плакат возле школы призывал: «Сделаем каждого учащегося пионером и каждого пионера будущим строителем социализма!» Помню, как вскоре после победы революции на Кубе начался массовый поход за ликвидацию неграмотности. Тогда взрослые и дети с голубыми лампами в руках шли в горы, чтобы обучить грамоте крестьян. «Контрас» первого поколения жестоко мстили энтузиастам. Бандиты убили юношу с голубой лампой Асунсе Доменеча. В последний путь его провожала вся Гавана. На пять минут перестал биться пульс кубинской столицы. А потом скорбную тишину пронзили sireны фабрик, автомашин, судов.

Долго был путь к победе, превратившей первую открытую Колумбом землю Американского континента в «первую свободную территорию Америки», как с законной гордостью кубинцы называют свою родину. Все началось с небольшого дома, стоящего в тени густой листвы манговых деревьев, с фермы «Сибоней». Отсюда на рассвете 26 июля 1953 года 135 кубинских патриотов начали свой боевой путь.

Ферма «Сибоней» превращена в мемориальный музей. В маленьких комнатах фотографии повстанцев, на полу запекающаяся кровь: батистов-

ские опричники учинили зверскую расправу над патриотами. Об этом напоминает щербатая стена дома, изрешеченная пулями карателей, которые застрелили раненых повстанцев и, пытаясь замести следы преступления, инсценировали бой.

Мы едем в Сантьяго по той же дороге, по которой двигалась на автомашинах колонна Фиделя Кастро. Нам понадобилось всего 15 минут, чтобы добраться до того массивного здания, которое штурмовали повстанцы. После победы революции Монкада стала первой военной казармой, превращенной в школьный городок.

На противоположном от Баракоа и Сантьяго конце Кубы транспарант аэропорта в городе Нуэва-Херона гостеприимно приглашает: «Добро пожаловать на остров Молодежи!» Такое название несколько лет назад получил знаменитый остров Пинос.

Стену просторного холла отеля «Колони» украшает красочное панно, воскрешающее незабываемые страницы «Острова сокровищ» Стивенсона. Со шхуны «Испаньола» с развевающимся на мачте «веселым Роджерсом» высаживается на берег ватага пиратов под предводительством опирающегося на костыль Долговязого Джона-Сильвера с попугаем «Капитан Флинт» на плече. По общепризнанной версии, именно Пинос явился местом действия «Острова сокровищ». Нарисованная его автором контурная карта похожа на очертания Пиноса; по словам Стивенсона, остров «напоминал жирного дракона, ставшего на дыбы».

Принадлежавший Испании Пинос был лежищем для самых известных корсаров, в том числе женщины-пирата Энн Бонни. Окружающие остров банки и рифы, скрытые в береговых утесах бухты, судоходные устья рек, пещеры и гроты в пологих холмах снискали Пиносу сомнительную славу «пиратской столицы» Карибского моря.

Шли годы, и европейских «джентльменов удачи» сменили еще более хищные — североамериканские. Вашингтон даже после формального предоставления Кубе политической независимости много лет не признавал суверенитета этой страны над Пиносом, старался прибрать к своим рукам лакомый остров. В США спекулянты за бесценок скупили землю на Пиносе и втридорога продавали ее. Уже в канун кубинской революции начался бум за превращение Пиноса в один сплошной игорный аттракцион. Шумно рекламировались действительно идеальные климатические и природные условия экзотического Острова сокровищ.

Обширный остров покрыт королевскими пальмами и сосновыми лесами: свое название он получил от испанского слова «пинос» — «сосны». К услугам самого капризного туриста великолепные пляжи, ловля рыбы и лангустов, изысканное мясо черепах — кагуаме, пейзажи с крокодилами, ящерицами-игуанами и попугаями. Американский наместник Батиста объявил Пинос «порт-франко», или необлагаемой таможенными пошлинами зоной контрабандной торговли. Американские толстосумы

из самого «веселого» города Лас-Вегаса отгрохали в бухте Сигуанеа рядом с рощей кокосовых пальм отель «Колони». пляж и мелководье бухты покрыты уникальным песком черного цвета. По иронии судьбы запланированному торжественному открытию отеля помешала... победа кубинской революции.

Но для кубинцев Пинос был не раем, а сущим адом, ибо остров превратили в место каторги. Недаром еще в прошлом веке Пинос называли «кубинская Сибирь». У подножия холмов Сьерра-де-Касас находится усадьба «Эль Абра», куда был сослан великий кубинский патриот Хосе Марти, названный Апостолом свободы. Семнадцатилетнего юношу доставили в кандалах в дом друга его отца. Этот дом превращен в музей. На кирпичном полу — кровать, тумбочка, стол, у входа в дом установлены еще самим Хосе Марти солнечные часы.

Поразительно красив Пинос. Но внезапно прерывается идиллический пейзаж. Четыре круглых пятиэтажных здания со вспомогательными сооружениями составляют «Пресидио модело» — печально известную бывшую «Образцовую тюрьму» — копию американского каторжного центра «Синг-синг». Сюда, в каземат для «особо опасных», под прицел бронированной вышки с прожекторами и пулеметами были брошены оставшиеся в живых участники героического штурма казармы Монкада.

Фидель Кастро в своей судебной речи «История меня оправдает» бесстрашно бросил в лицо палачам: «Крепость Монкада превратилась в фабрику пыток и смерти...» После фарса суда, приговорившего Фиделя Кастро к 15 годам тюрьмы, он со своими соратниками был вывезен на самолете в «Пресидио модело».

Участники восстания вначале были помещены в госпиталь. Две шеренги кроватей затянута купленными семьями узников противомоскитными сетками. Напротив входа вторая слева кровать снабжена номером 3859 — тюремным номером Фиделя Кастро. В «университете» политзаключенные пополняли свои знания. Написанная мелом на доске надпись свидетельствует, что Фидель преподавал философию и историю.

Недолго вождь кубинской революции пробыл вместе со своими соратниками. Тщетно пытаясь сломить дух Фиделя, тюремщики изолировали его, бросили в одиночную камеру. Тусклый свет проникал из маленького окна соседнего туалета, смежная дверь вела в помещение морга. В камере несколько книг, принадлежавших Фиделю, в том числе марксов «Капитал». Дававший пояснения молодой историк Роберто Нуньес заметил: «Малограмотные тюремщики решили, что бессмертный труд Маркса — пособие по бизнесу, которым узник решил заняться после выхода из тюрьмы». Полтора года провел Фидель Кастро в «Образцовой тюрьме» до досрочного освобождения вместе со своими товарищами по оружию в результате массовой кампании на Кубе за амнистию политзаключенных.

Социалистическая новь преобразила облик Пиноса. Население острова за годы народной власти возросло в 10 раз. На Пиносе самый

высокий процент молодежи среди населения Кубы и самое интенсивное в стране жилищное строительство. Административный центр острова Нуэва-Херона из захолустного поселка превратился в быстрорастущий город. К одноэтажному центру с типично колониальной архитектурой примыкают широкие улицы и бульвары с корпусами жилых домов, школ, больниц, культурно-бытовых учреждений. Между Гаваной и Нуэва-Херона курсируют воздушные лайнеры «ИЛ-18», быстроходные суда на подводных крыльях «Комета».

По обе стороны превосходных шоссе дорог — фруктовые сады, пастбища с крупным рогатым скотом, ухоженные плантации цитрусовых. Особенно Пинос славится идущими на экспорт грейпфрутами. Сверкает на солнце гладь недавно построенных водохранилищ. В карьерах добывается мрамор, он экспортируется и в нашу страну. Но больше всего остров славится людьми — энергичными, трудолюбивыми, влюбленными в свой край.

Многие миллионы подростков во всем мире с увлечением продолжают читать и перечитывать стивенсоновский «Остров сокровищ». Но в сравнении с призрачным кладом Флинта куда увлекательнее действительность, будни преображенного революцией Пиноса. Он стал популярным местом отдыха трудящихся, сюда приезжают школьники со всех концов Кубы. Во всем мире остров Молодежи известен своим интернациональным вкладом, здесь построены учебные комплексы, в которых живут юноши и девушки из дружественных Кубе стран.

Роль кубинской революции и социалистической Кубы — это не пресловутая клевета об «экспорте герильи», а осязаемая сила примера. Могут засвидетельствовать: когда победила революция на Кубе, то там не было ни одного советского человека, ни одной единицы оружия советского производства. Нельзя было обнаружить «советского следа» и после победы революции в Никарагуа, которая внесла много неповторимого во всемирную летопись борьбы за социальное освобождение.

...Только порывы ветра обнажают изломанный овал кратера действующего вулкана, названного местными жителями «Адской пастью». В дымке горизонта очертания никарагуанской столицы Манагуа, разрушенной почти до основания землетрясением. Рядом гладь озера, в котором водятся столь редкие пресноводные акулы. Но ни землетрясения, ни извержения вулканов не причинили народу Никарагуа столько бед, сколько почти полвека тиранившая страну с помощью империализма США семья Сомосы, а после победы революции — организованная Вашингтоном необъявленная война.

Путь лежит на юг от Манагуа к границе с Коста-Рикой, где окопались «контрас». Только накануне прорвавшаяся на несколько часов банда убила молодого учителя Карлоса Моралеса.

Позади остались город Гранада со средневековой архитектурой, берег обширного озера Никарагуа, похожий на гигантское сомбреро вулкан Ометепе. Дальше шлагбаум, и узкая проселочная дорога углубляется

в дэбри сельвы. Здесь, среди густых пальмовых зарослей, расположен один из центров подготовки резервистов — добровольной народной милиции.

Юноши и девушки овладевают солдатским ремеслом в трудных условиях сельвы, чтобы потом передать по месту жительства свои знания другим и по первому зову встать на защиту родины. Только что гонг возвестил окончание еще одного дня воинской службы.

Под навесом полторы сотни гамаков (эту утварь впервые доставили в Европу спутники Колумба) с аккуратно заправленными одеялами. Дневальная казарм женской роты — хрупкая девушка в полевой форме с автоматом и в такой не по уставу алой косынке на голове. Норме 13 лет, и она учится во французском колледже, в Никарагуа наряду с государственным школами есть и частные. Позднее я случайно узнал, что ее отец — ректор национального университета. В руке у Нормы книга с антологией французской поэзии.

На следующий день по прямой, как стрела, автостраде наша машина мчится из Манагуа на север страны. Здесь второй и главный фронт борьбы с «контрас». Совсем рядом, в Гондурасе, американцы создали невиданную в истории Центральной Америки военную инфраструктуру, одну сплошную базу агрессии.

На горизонте — цепь холмов, а вдоль дороги поля с посевами кукурузы, фасоли и кофе. Из пожих на тыкву плодов низкорослых деревьев хикаро крестьяне делают сосуды для питья. Промелькнул городок Дарио, названный в честь самого великого поэта страны Рубена Дарио. Никарагуанцы шутят, что у них почти три миллиона поэтов: в стране примерно такое количество жителей.

В Матагальпе пересеживаемся в джип, на сиденье которого аккуратно лежат автоматы. Впереди — самый беспокойный район страны. Вдоль границы с Гондурасом почти 200 километров тянется раскисшая из-за ливней шоссе́нная дорога. Вместо смытых мостиков через речушки перекинуты деревянные временки.

Рио Бланко означает на испанском языке Белая река. На берегу одноименный поселок. В черные времена Сомосы здесь был концлагерь для непокорных крестьян. Рядом пограничный пост. Среди бойцов выделялся мальчуган с автоматом. Он казался меньше своих 12 лет. «У Леонидаса Валенсуэлы бандиты убили всю семью, — говорит один из бойцов. — Бьет он без промаха, но не мстит, просто защищает революцию». Леонидасу, а по-нашему, Леньке, гонять бы мяч в его-то годы, а он под лучами палящего солнца месит глину в колонне бойцов.

Вдоль дороги одинокие крестьянские дома из дерева, крытые сухими пальмовыми листьями. Уже иной пейзаж, пастбища с коровами и зебу сменяются сельвой. Здесь разбойничают «контрас», особенно безжалостно они убивают сандинистских активистов и учителей. На обочине дороги взорванный экскаватор, сожженные грузовые автомашины. Нечто подобное я наблюдал в Афганистане. Разные континенты, уникаль-

ные особенности революционного процесса, но одинаков почерк взбешенной контрреволюции, будь она «душманы» или же «контрас».

В этих краях до последнего времени «контрас» чувствовали себя вольготно, но сейчас их вылазки решительно пресекаются. В Мулюоку, состоящем из нескольких домов поселке, мы у цели поездки. Здесь создан центр военной подготовки имени Дениса Гутьерреса — студента-медика, убитого бандитами.

Центры военной подготовки — это школы, где обучаются курсанты. Пояснения дает круглолицый веселый и словоохотливый политрук школы лейтенант Луис Рафаэль Эрнандес. Сын рабочего и крестьянки, он оставил экономический факультет университета и стал профессиональным военным. Нас он засыпал вопросами о Советском Союзе, а в паузах рассказывал:

— В нашей школе трехмесячный курс обучения проходят 1200 парней. Овладевают военным делом, учатся, строят дорогу, помогают крестьянам, но прежде всего защищают революцию. На днях ликвидировали несколько сот наемников ЦРУ. Участвовали в боях и наши курсанты, уничтожившие в том числе одного из главарей банды по кличке «Койот». Поговорите, впрочем, сами с нашими ребятами.

Айдеру Мансанарес Гарсиа 18 лет, учился он в средней школе в Манагуа, и весь его воинский стаж ограничивался двумя днями, когда курсантов на рассвете подняли по тревоге для преследования и уничтожения крупного бандформирования. Местонахождение наемников показал крестьяне. Айдер со своим взводом оказался в лошине, бандиты на холме. Он первым взобрался на холм и вступил в бой. Было убито 8 «контрас», но и курсанты потеряли двух товарищей.

Бандиты терроризируют мирных жителей, убивают их, сжигают посевы, угоняют скот, взрывают мосты. Люди вынуждены не строить, а восстанавливать разрушенное. Но никарагуанцев не удастся поставить на колени, они знают, что горе той революции, которая не умеет защитить себя.

Вспоминаю посещение Гренады вскоре после победы революции и незадолго до ее удушения американскими интервентами. Премьер-министр Морис Бишоп, как бы рассуждая, перечислил глухим голосом несколько вариантов возможной агрессии. Один из них оказался пророческим: спровоцированное ЦРУ убийство лидера гренадской революции и последующая империалистическая интервенция против страны, численность населения которой в 10 раз меньше количества жителей Нью-Йорка.

Зовущая к бдительности никарагуанская революция исключает такой вариант интервенции. «Но пасаран!» — «Они не пройдут!» — гласят расклеенные на стенах домов Манагуа лозунги. Эти крылатые слова, впервые родившиеся полвека назад на фронтах республиканской Испании, сегодня как клятву повторяет вслед за никарагуанцем каждый латиноамериканский патриот, отстаивающий священное право своих единокровных братьев, познавших это сладкое слово «свобода».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Путешествие длиной в 20 лет	3
Когда уходят диктаторы	4
Никогда больше!	13
Гигант делает выбор	20
За поворотом — Стресснерланд	27
Из прошлого в будущее	36
Новь Нового Света	41

Карэн ХАЧАТУРОВ

ИНАЯ АМЕРИКА

Редактор Д. В. Бирюков

Технический редактор Т. Е. Авдеева

Сдано в набор 16.02.87. Подписано к печати 24.04.87. А 00369.
Формат 70 × 108^{1/2}. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать.
Усл. печ. л. 2,10. Учетно-изд. л. 3,33. Усл. кр.-отг. 2,28. Тираж 80000 экз.
Изд. № 1231. Заказ № 188. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

- Предприятия ремонта радиотелевизионной аппаратуры принимают заказы на абонементное обслуживание цветных телевизоров.
- Абонемент—это профилактические осмотры телевизора; первоочередной ремонт; замена всех неисправных деталей, включая кинескоп, в счет абонемента; бесплатная доставка телевизора транспортом предприятия в мастерскую и обратно. Договор на абонементное обслуживание заключается на год и продлевается по желанию заказчика.

Росбытреклама